

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« МОРСКОЙ » СПЕЦНАЗ

УДАРНАЯ
ВОЛНА

Сергей ЗВЕРЕВ

Сергей Иванович Зверев

Ударная волна

Серия «Морской спецназ»

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170245
Зверев С. И. Ударная волна: Роман: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-26028-7*

Аннотация

Действующая в интересах американских нефтяников международная экстремистская организация «Аль Джафар» захватывает в Беринговом море российский атомный ледокол. В их планах отогнать судно в район недавно обнаруженного месторождения полезных ископаемых и взорвать реактор, чтобы воспрепятствовать участию России в освоении недр и заодно скомпрометировать атомную энергетику. Но не так легко осуществить даже детально проработанный план, когда наталкиваешься на героическое сопротивление российских моряков. На помощь попавшей в переделку команде атомохода прибывает «морской дьявол» по прозвищу Полундра – гордость отечественного спецназа. И тут-то все и началось...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	34
Глава 5	46
Глава 6	57
Глава 7	77
Глава 8	85
Глава 9	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Сергей ЗВЕРЕВ

УДАРНАЯ ВОЛНА

Глава 1

Атомный ледокол «Дмитрий Суляпин» содрогнулся – его нос врезался в очередную полосу льда. Лед был толстый, не меньше метра, но от удара этого творения рук человека он проиграл. Раздался громкий треск, корабль продвинулся вперед на несколько метров, потом еще и еще. А за кормой вместо сплошной серо-белой льдины теперь была мешанина воды, пены и осколков. Края расщепленной надвое льдины быстро расходились в стороны, и вот уже брешь раздалась достаточно широко, чтобы за ледоколом могли последовать другие корабли – полтора десятка сухогрузов и нефтеналивных судов. Все они сидели в воде низко, сразу видно, что нагружены под завязку.

Это и есть северный завоз – а точнее сказать, его часть, поскольку далеко не один подобный караван идет каждую осень вдоль северной береговой линии России. С запада на восток везут в основном топливо и пищу. Без солярки, мазута, бензина русские люди на огромных территориях Чукотки, Камчатки и других северных регионов просто не выживут. Своего углеводородного сырья там нет. То же самое и

с едой – выращивать овощи и фрукты в тех местах практически невозможно – слишком холодно. Так что выбор прост – или возить сюда все необходимое, или убраться восвояси, оставив Север его исконным жителям – чукчам, эвенкам и другим народам Севера, которые без хлеба и без бензина вполне могут обойтись. Хотя теперь уже вряд ли. К цивилизации очень легко привыкнуть, а вот отвыкать сложно. Прадеды нынешних эвенков возможно и сумели бы вернуться к образу жизни предков, если бы русские вдруг с Севера ушли. Нынешние – не сумеют. Впрочем, проверить это вряд ли удастся, поскольку уходить отсюда русские, разумеется, и не думают. Еще бы – ведь несмотря на огромные затраты на этот самый северный завоз, прибыль эти земли приносят колоссальную. Мало где на планете старый принцип «чем меньше над землей, тем больше под землей» проявился так четко, как на русском северо-востоке. Поверхность земли здесь навеваает исключительно уныние. Мороз почти круглый год, серо-белые безжизненные просторы. Жизнь сосредоточена лишь на узкой полоске вдоль побережья. А там, дальше, даже если на сотню километров в глубь материка углубиться – там до сих пор множество мест, где не ступала нога человека. А что ему, человеку, спрашивается, в тундре делать? Но, словно в компенсацию за эту серую убогость поверхности земли, недра здесь таят настоящие богатства. Золото, алмазы, платина, медь, никель, серебро, марганец, хром... Можно наугад в любой элемент таблицы Менделее-

ва ткнуть пальцем – и не ошибешься, окажется на Севере этот элемент и в очень изрядных количествах. Именно это и оправдывает затраты.

Поэтому и идут на Север караваны с нефтью и хлебом. Хотя и трудно это, и дорого, и опасно – все равно идут. Ведь обратно они поплывут уже с добытыми ископаемыми, которые многократно окупят затраты. Впрочем, разные затраты бывают. В том числе и такие, которые полностью окупить невозможно – жизни людей в первую очередь.

Именно об этом сейчас думал Павел Сергеевич Бессонов, капитан корабля. Он был уже немолод, ему месяц назад исполнилось пятьдесят три года. И из этих пятидесяти трех тридцать лет было отдано морю, флоту. Именно поэтому он лучше всех осознавал, что нынешний рейс опасен. Атомоход уже старый, что ни день, то какая-нибудь поломка. Конечно, пока ничего серьезного не случилось, но ведь все когда-то бывает в первый раз. Шансы, что этот первый раз придется именно в этот рейс, были большие. И не только Бессонов это понимал. Его начальники, те, от которых зависело, отправлять корабль в рейс или нет, тоже прекрасно об этом знали. Но все же отправили – видимо, понадеялись, что пронесет. Конечно, скорее всего, и правда все пройдет нормально. И это только добавит самоуверенности всем этим дуракам, которые сами в море последний раз еще при Брежневе выходили. И они будут продолжать посылать в море корабли, которые уже выработали свой ресурс. Как же, ведь на новые

суда деньги нужны!

– Прошли полосу. – Голос старшего помощника Ивана Андреевича Скурихина отвлек капитана от мрачных мыслей. – Кажется, эта последняя была.

Бессонов посмотрел вперед. Действительно, та полоса льда, которую только что взломал корабль, похоже, была последней на их пути. Дальше в пределах видимости полос нет. А раз так, то, как показывает опыт, и не будет, они ведь уже давно к югу повернули, мыс Дежнева позади еще вчера остался. Значит, самый опасный участок пути позади остался, теперь только дрейфующие льды будут время от времени попадаться. С одной стороны – хорошо, а с другой – хоть это и совершенно нелепо, – обидно, что эти засранцы из управления правы оказались.

– Фу... От сердца отлегло, – продолжал старпом. – Я здорово боялся, что сломаемся и застрянем где-нибудь во льдах. Скорлупка-то старая...

– Ну, не такая уж и старая! – Капитану неожиданно стало обидно за ледокол, так что вслух он сказал прямо противоположное тому, что думал.

– Да как не старая, – хмыкнул Скурихин. – Я вчера со старшим механиком говорил, он мне после доклада неофициально заявил, что если бы этот корабль был лошадкой, то он бы посоветовал ее пристрелить.

– Умный больно, – пробурчал Бессонов. В компетентности своего стармеха он нисколько не сомневался, но все же

тот мог и как-нибудь помягче выразиться. С другой стороны, понять его можно – ведь в итоге все поломки на его плечи ложатся, он за все отвечает. А ведь еще и профилактикой занимается.

– Теперь, когда лед кончился, ему полегче станет, – сказал Скурихин.

– Зато нам тяжелее.

Старпом помрачнел. Он не стал спрашивать, почему тяжелее будет им – еще бы, не первый год Северным морским путем ходит. Дело было в навигационных приборах и в лощиях. Приборы на «Дмитрии Суляпине» были в основном старые, а кое-какая новейшая электроника, поставленная на судне в последние годы, оказалась очень капризной и ненадежной. А лощия были просто неточны. В этих местах течения каждый навигационный сезон меняются, а вместе с ними, соответственно, и рельеф дна. Так что полагаться приходится на приборы – которые, опять-таки, внушают опасения.

Бессонов тяжело вздохнул. Ладно. Кроме приборов и лощий есть еще кое-что, понадежнее. Это опыт – и его, и команды. В конце концов, сколько лет ходили, и ничего. И в этот раз пройдем. Но несмотря на эти оптимистичные мысли, на душе у капитана было беспокойно. Словно червячок в яблоке шевелилось в нем какое-то предчувствие беды. А Бессонов достаточно долго ходил по морям, чтобы научиться предчувствиям верить.

«Что же еще проверить можно? – думал он. – Вроде уже

все, что есть, на два круга проверяли».

– Мне еще чем эти места не нравятся, – негромко сказал Скурихин, – так это тем, что тут на дне валяется.

– Что ты имеешь в виду?

– Корабли, что же еще.

– Те, что с Великой Отечественной остались?

– Ну да.

Бессонов покивал. Этот фактор и правда нельзя было не учитывать – хотя официальные инстанции на него и закрывали глаза. Все дно Берингова пролива и дальше на юг – настоящее кладбище кораблей. В основном это советские, английские и американские суда. Те, которые осуществляли знаменитый ленд-лиз, поставляли воюющему Советскому Союзу оружие, боеприпасы, одежду, еду, горючее – да всего и не перечислить. Даже американские самолеты «Авиакобра» и «Кингкобра» на судах в «пеналах» перевозили, и танки «Черчилль», которые собирали на Урале и гнали на фронт. Немцы, разумеется, эти корабли без внимания не оставляли. Знаменитые «волчьи стаи» немецких субмарин охотились за транспортниками. И частенько небезрезультатно. Так что на дне оказывались десятки, – что там десятки! – сотни кораблей. Снаряды, авиабомбы, торпеды, мины, емкости с горючим – их на дне в этих местах было очень много. Кстати, и охотников советские моряки утопили здесь не один десяток – ведь с каждым караваном шли суда охраны, многие субмарины удавалось уничтожить. В общем, не дно, а минное по-

ле. А ведь за прошедшие годы морская вода разъедала металл. Что может дальше с минами и снарядами произойти, предугадать трудно.

– Ладно, прорвемся уж как-нибудь, – сказал Бессонов. И тут его внимание привлекла светлая точка на экране радара. Судя по показаниям прибора, это большое судно, и расстояние до него невелико. Что это за судно, хотелось бы знать? Может, его уже и в бинокль видно будет?

Сориентировавшись по прибору, Бессонов поднял к глазам свой мощный бинокль:

– Интересно...

– Что ты там увидел, Паша? – поинтересовался Скурихин.

– Американцы. Похоже на научно-исследовательское судно. Хм... Странно. Почему тогда нас не предупредили?

Это действительно было странно. Обычно капитанов предупреждали об иностранных научно-исследовательских экспедициях, если они могли попасться на пути. Просто на всякий случай.

– Или... – капитан подкрутил колесико бинокля, настраивая резкость.

– Что там?

– Да не пойму. Может, это не ученые? Честно говоря, больше похоже на БКС.

– Не может быть!

Реакция старпома была вполне объяснимой. Сейчас БКС, или большое китобойное судно, стало колоссальной редкостью.

стью. По Международной конвенции тысяча девятьсот восемьдесят пятого года китобойный промысел вообще запрещен во всем мире. Правда, для некоторых стран – России, США, Канады, Японии, Норвегии и Исландии – сделано исключение. Они имеют право на ограниченные квоты по добыче кита с научными целями. Да еще разрешено на него охотиться аборигенам Севера, для которых это традиционный национальный промысел. Но в строго определенных морских квадратах и в определенный сезон. А сейчас не сезон добычи кита. И квадрат не тот – здесь кита добывать строго запрещено. Не в последнюю очередь потому, что эти места, пространство южнее острова Святого Лаврентия, между этим большим островом и группкой островов Святого Матвея и Холла – спорная зона рыболовства. Официально, правда, это пространство именуется иначе – «Морская экономическая зона». Вроде бы зона была в сфере интересов СССР, но затем Россия не ратифицировала пакет документов, так что до ратификации она не имеет права ни на что претендовать. Но суть от того или иного названия не меняется. Фактически на данный момент эта территория были ничья. Если бы здесь разрешено было добывать китов – пусть и в научных целях, то и США, и Россия стремились бы сделать это именно здесь – вроде бы не свое добро не так и жалко.

– А по-моему, все-таки может, – сказал капитан, присмотревшись. – Хм... И не предупреждали нас о нем. Странно.

– Браконьеры, наверное.

– Странные какие-то браконьеры. Льды, шторма, не сезон. Риска много.

– Ну, они народ рисковый.

– Но без толку-то зачем рисковать?! Отошли бы южнее и браконьерствовали там. Да и вообще, стоит ли овчинка выделки? Я бы еще понял, если бы наши баловались. У нас спрашивают не так строго. Но янки?! У них за подобные дела за решетку законопатить могут всерьез и надолго. А кит уж больно добыча заметная. Опять же, я бы еще понял, если бы по старинке, с какого-нибудь сейнера небольшого ловили. Но такой здоровенный корабль, там же народу уйма. Кто-нибудь обязательно стукнет. Да и прибыль делить – больно много участников. Нет, странно это все как-то.

– В общем, да, – кивнул старпом. – Тем более что американцы завернуты на экологии во всех проявлениях. Вон, я вчера слышал по радио, на Аляске огромные запасы нефти, сопоставимые с восточносибирскими, а конгресс не дает «добро» на размораживание скважин, чтобы не загрязнять самый чистый штат. Такой у них менталитет. И чтобы они решили на кита охотиться без разрешения...

– С другой стороны, не наше это дело, – сказал капитан. – И вообще, они пока на китов не охотятся. Плывут себе просто и все. А судоходство здесь открыто для всех кораблей без ограничений. Так что пока они ничего не нарушают. Мало ли, может, у них какая тренировка или вообще фильм снимают.

Старпом усмехнулся. Бессонов намекал на прошлогодний случай, когда российские пограничники налетели на американский сейнер, оказавшийся без предварительного согласования в спорной зоне. А оказалось, что американцы снимали фильм. И ладно бы доблестные стражи границ вели себя прилично – так они сначала всех под прицелами автоматов мордами в пол положили, обшмонали, обложили матом и только потом разобрались, что к чему. В общем, пограницы тогда здорово оскандалились, у кого-то даже звездочки с погон полетели. Попадать в положение, в какое попали пограницы, Бессонов совершенно не хотел. Так что лучше не суетиться.

– А на берег все-таки надо сообщить, – сказал Скурихин.

– Вставь в радиограмму, – кивнул капитан. В таком сообщении ничего опасного не было. Опять же, пусть береговые умники хоть о чем-то подумают.

Решение было принято правильное – да, в общем-то, и повод совершенно пустяковый. Важность этого самого решения была крайне невелика. А скверное предчувствие, мучившее Бессонова уже несколько дней, усилилось.

Глава 2

– Вот сюда, – Хасан аль-Кеир кивнул влево, на небольшой каменистый островок, даже не островок, а так, торчащую из воды большую скалу.

Стоявший у штурвала Абу Осман молча повиновался, и рыбацкий сейнер свернул к указанному островку.

Выглядели на Севере оба араба сюрреалистично – смуглые лица, выглядывающие из меховых капюшонов, настолько дисгармонировали с общей обстановкой ходовой рубки обычного рыбацкого сейнера, что любому, кто бы их увидел, ущипнуть себя захотелось бы – не сон ли это? Что говорить – у самого Хасана такое желание возникало периодически, хотя уж он-то прекрасно знал, зачем они здесь. Что ж, иной раз именно то, что кажется полным бредом, и сбрасывается. Ну какому нормальному человеку придет в голову, что на старом сейнере, рассекающем холодную воду Берингова моря, находятся тридцать два террориста? Люди, больше половины из которых до этого момента снега никогда не видели, а лед только кубиками. Так, а точно больше половины? Хасан задумался – его неожиданно заинтересовал этот вопрос. Так с ним бывало в моменты наиболее острого нервного напряжения – мысли концентрировались на чем-то совершенно постороннем и незначительном. Так, здесь, считая с ним самим, семнадцать арабов, это уже больше половины. Прав-

да, Юсуф и Хусейн из горных районов, могли и видеть снег. Так, еще четверо пакистанцев и трое афганцев. Эти могли видеть, их страны горные. Еще пять чеченцев. Ну, эти наверняка видели, у них там зима бывает. И еще татарин, русский и американец. Про татарина ничего толком не скажешь, он, кажется, не в России родился, а русский и американец видели точно. Да, получается больше половины. Сколько национальностей! Вот уж действительно международная террористическая группа.

Хасан усмехнулся – вспомнились времена, когда он, еще совсем молодой, учился в СССР. Тогда дружбой народов им преподаватели все уши прожужжали. А теперь он, получается, все те наставления реализует. Вот бы они порадовались...

Араб встряхнул головой, отгоняя ненужные мысли. Зачем он этими дурацкими расчетами и воспоминаниями занимается?! Не время сейчас для них!

Тем временем скала, к которой направлялся сейнер, заметно приблизилась. Были видны черные трещины на голом камне, белая пена у подножия валунов. Хасан поежился. Суровой и непривычной для него была местная природа. А ведь он специально готовился к этому рейду. Каково же остальным приходится? И еще этот холод постоянный, который все равно добирается до тела, как ни одевайся. Непонятно, как люди здесь жить умудряются. А ведь это еще не самый дальний Север. Тот русский караван, который скоро будет мимо проходить, еще из более холодных мест пришел. Какой там

холод, даже представить себе трудно.

До скалы оставалось уже метров сто.

– Осторожнее, – приказал Хасан рулевому. – Настоящую катастрофу не устрой. С виду все должно быть убедительно, но только с виду!

– Я помню, – ответил Абу Осман. Он был опытным моряком. Хоть до таких северных широт Осман и не добирался до сих пор, но в том, что сумеет сделать требуемое, не сомневался.

Через несколько минут все было готово. Сейнер стоял так, что со стороны казалось, что он врезался в скалу, хотя на самом деле поврежден корабль не был. Хасан посмотрел сначала на часы, потом на приборы – их было значительно больше, чем необходимо на обычном сейнере, – и скомандовал:

– Запускай сигнал бедствия. И спускайся к нам, на окончательный инструктаж.

С этими словами Хасан вышел из рубки и по железной лестнице спустился вниз. Здесь, в трюме, наспех переоборудованном под что-то вроде зала для совещаний, Хасана ждали остальные его спутники. Теперь здесь вместо оборудования для разделки и заморозки рыбы стояли привинченные к полу стулья, на одной из стен висел экран, рядом на специальной подставке находились проектор и ноутбук. Заходя внутрь, Хасан поморщился – запах рыбы так до сих пор и не выветрился. А ведь купили сейнер больше полугода назад и с тех пор по прямому назначению не использовали.

Собравшиеся здесь люди встретили вошедшего сдержанным гулом – они уже давно его дожидались. А информация, которую он сейчас им сообщит, крайне важна – ведь до сих пор никто, кроме Хасана, не знает цели этого неприятного путешествия. Той цели, во имя которой им предстоит убивать и умирать.

Пока Хасан возился с ноутбуком и проектором, к товарищам присоединился и Абу Осман. Теперь, когда сейнер стоял у скалы, необходимость в рулевом отпала. Сейчас здесь не присутствовал только радист – он передавал сигнал бедствия и был готов ответить, как только кто-то сигнал запеленгует.

Хасан закончил возиться с техникой. Он прикрыл глаза, посчитал про себя до семи и резким движением вскинул голову.

– Слушайте меня внимательно, братья. Сейчас я скажу вам, что на этот раз нам поручено, – говорил Хасан по-русски. Все присутствующие понимали этот язык и умели на нем разговаривать. Собственно говоря, именно поэтому в группе было так много чеченцев, и даже татарин затесался. В распоряжении организации «Аль Джафар» людей, владеющих русским, было не так уж много.

– Смотрите!

Хасан нажал ввод, и на экране возникла отличная фотография большого корабля.

– Это русский атомный ледокол «Дмитрий Суляпин». Именно его мы должны захватить.

Хасан сделал паузу, но никто его не перебил, никто не задал вопроса. Люди здесь собрались бывалые, дисциплинированные. Знали: все, что им положено знать, командир и так скажет. А что не положено – не скажет, хоть спрашивай, хоть не спрашивай.

– Пока именно он наша цель. Потом, когда ледокол будет в наших руках, я расскажу вам о наших дальнейших планах. Но пока не думайте о них.

Хасан видел, как вытянулись лица у его людей. И позволил себе усмехнуться. Да, когда он сам получил от руководителей организации это задание, выглядел он примерно так же. Конечно, боевик, террорист, за голову которого власти США объявили немаленькую награду, должен быть готов к чему угодно. Но вот мысль о том, что предстоит захватывать русский атомный ледокол, первые минуты казалась полным абсурдом. А потом, когда шок прошел, он понял одну простую вещь – ведь не ему одному этот захват кажется абсурдным. А раз так, значит, к нападению будут не готовы. Преимущество внезапности на их стороне – а это очень важно. Конечно, русский ледокол охраняют – как-никак атомный объект. Но наверняка охрана там расслабилась – ну кому придет в голову, что на ледокол могут напасть. Охраняют сейчас усиленно самолеты, поезда, но уж никак не ледоколы. Инерция мышления работает – раз никогда на них не покушались, значит, и впредь не будут. А вот вам – додумался кто-то. С другой стороны, даже если ледокол захватить – за-

чем он нужен? Именно этот вопрос сейчас читался на лицах тех, к кому обращался Хасан. Этот же вопрос тогда, когда задачу ставили ему, он задал руководству. Что ж, ему все объяснили. А вот он пока лишнего ничего не скажет. Всему свое время.

– Охрана довольно сильная, но нападения не ожидает, – сказал он вслух. – Мы изображаем судно, терпящее бедствие. Русские предпримут попытку нам помочь – они обязаны это сделать по международным соглашениям. Да и без соглашений мимо не прошли бы, у русских так поступать не принято.

– А если к нам первыми успеют не русские? – спросил Ахмат, один из афганцев.

Хасан покачал головой.

– Все просчитано. Поблизости от нас других кораблей нет. Подойдут именно русские. Правда, маловероятно, что ледокол будет оказывать нам помощь сам, ведь он идет не один, с ним еще десятка полтора кораблей. Так что, скорее всего, дело сначала придется иметь с одним из них. Но, может, и к лучшему – там охраны совсем нет, это обычные гражданские суда. А уже захватив этот корабль, нужно будет взять сам ледокол.

– Пока мы будем этот корабль захватывать, они успеют связаться или с ледоколом, или с сушей.

– Это тоже предусмотрено. У них не будет такой возможности. В эфире будут очень сильные помехи, связи не будет.

В общем, мы это сделаем – если каждый четко выполнит то, что от него требуется. Слушайте, каков план...

И Хасан стал тщательнейшим образом объяснять каждому его задачу. Фотографии, схемы, тексты так и мелькали на экране проектора. Изредка Хасан поглядывал на часы. Время еще было. Русские пока еще далеко.

* * *

Бессонов было собрался покинуть рубку и пойти отдохнуть, когда поступило сообщение о том, что принят сигнал бедствия.

– Ну ядрена же мать! – выдохнул капитан. – Этого нам еще не хватало! Сами-то того и гляди развалимся! Что за корабль? Чей? И что с командой?

– Американский рыболовный сейнер из Анкориджа, – отозвался радист. – Напоролся на скалу. У них там есть раненые.

– Проклятые америкашки! – проворчал Бессонов. – Раз не умеют по морю ходить – так нечего и соваться! Эх... И ведь было же рядом еще одно их судно – ну, то самое, то ли научное, то ли китобойное! И где оно, спрашивается?

Старпом молча пожал плечами. Конечно, было бы логичнее, если бы помощь терпящим бедствие оказали их соотечественники. Но что делать, если первыми приняли сигнал именно на «Дмитрии Сурыпине»? Отказывать в помощи в

таком случае – последнее дело. Впрочем, Бессонов и сам это прекрасно понимал.

– Ладно, что ж делать, придется выручать, – проворчал он.

– Кого пошлем? – спросил старпом. – Или сами?

– Сами?! Еще чего! Много чести! Да и вообще, мы должны впереди идти по инструкции – сам же знаешь. Да и не только в инструкции дело – мало ли, а вдруг все-таки есть впереди еще льды. Пусть Пуговкин ими займется, у него по судина поновее. Так. Давай, передавай Пуговкину, что я приказываю ему оказать помощь терпящим бедствие американским морякам, – распорядился капитан. Он имел право отдавать такие приказы, так как был не только капитаном ледокола, но и начальником всего каравана.

Радист повиновался. Через несколько минут один из сухогрузов отделился от каравана и пошел в сторону американского сейнера. Его капитан, Николай Пуговкин, рассчитывал управиться с порученным делом часов за пять максимум, а потом на полной скорости уже к вечеру догнать караван и занять в нем свое законное место. Пуговкин даже считал, что ему повезло – оказание помощи американцам отличный повод отличиться. Он был еще молод и амбициозен. Пуговкин думал, что, возможно, в связи с этим случаем начальство его заметит и запомнит.

Так оно и вышло – и заметили, и запомнили. Вот только не совсем так, как Пуговкину хотелось.

Глава 3

Когда из серого тумана вынырнул силуэт русского корабля, на губах Хасана заиграла хищная, довольная улыбка. Расчеты оказались точны – русские послали один из обычных кораблей, а не сам ледокол. Очень хорошо. Хасан обернулся, окинул внимательным взглядом своих людей. Двое были на палубе, на виду – русский и американец. Они были в моряцких робах, без оружия – изображали рыбаков. А еще пять человек – три араба, афганец и один из чеченцев – залегли в катере с автоматами на изготовку. Катер стоял за сейнером так, чтобы разглядеть его с моря было невозможно. Остальные боевики были внутри сейнера, в трюме – места в катере мало, и пять человек с трудом поместились. Да и куда больше? Неужели пять подготовленных боевиков с безоружными гражданскими не справятся? Только бы русские поближе подошли. Расстояние до их корабля катеру придется преодолеть рывком, пока русские не опомнились. Они наверняка не дальше чем в кабельтове остановятся. А такое расстояние катер за считанные секунды преодолеет.

Сам Хасан сейчас находился в рубке – его силуэт был виден, но что Хасан человек восточного типа, разглядеть было нельзя. Да, собственно говоря, если бы и можно было – один араб подозрений не вызовет, их в Америке немало. Вполне могло одного и на Север занести.

– Еще раз напоминаю, – крикнул Хасан, пользуясь тем, что до русского корабля пока было далеко, – работаем жестко. Заложники нам на этом корабле не нужны. Брать живыми только капитана, старпома и радиста. Все помнят, как их форма выглядит?

Все члены абордажной команды на катере ответили утвердительно.

– Отлично! На самом корабле старайтесь не стрелять. Палите только в самом начале операции, до тех пор, пока на борту не окажетесь. Мало ли, вдруг будет рация включена. Радиста вообще брать максимально бесшумно. Фарид, понял меня?

Здоровенный афганец молча кивнул. Несмотря на внушительные габариты – больше двух метров роста и сто тридцать килограммов веса, в команде Хасана он был самым быстрым и ловким – удивительно, но факт. Чем-то он был на медведя похож – с виду увалень, а как до дела дойдет, тигру в быстроте не уступит. У Фариды, единственного из всей абордажной команды, не было огнестрельного оружия – оно просто не должно было ему понадобиться. На гражданском судне вооруженных, скорее всего, нет. А если и есть какой-нибудь ствол у капитана, то наверняка незаряженный и в сейфе.

– А ведь ты говорил, помехи будут, так чего же нам рации включенной бояться? – спросил чеченец, Шамиль.

– На всякий случай, – отозвался Хасан. – Осторожность никогда еще никому не вредила. Ну, все, начали! Действуйте

строго по плану. Андрей, Брэд, начинайте!

Русский и американец принялись размахивать руками – вроде бы стараясь привлечь внимание команды идущего к ним корабля. Действие, конечно, совершенно бессмысленное – и так уже ясно, что мимо не пройдет. Но ведь никто и не ожидает от потерпевших крушение рыбаков идеально логичного поведения.

Вот до русского сухогруза уже всего три кабельтова. Два... Один... Вот уже несколько десятков метров осталось. Отлично! Ага, остановились, спускают шлюпку. Ну, что и следовало ожидать. Не лезут вперед очертя голову, хотят сначала выяснить, что произошло. Но это предусмотрено, не зря же катер наготове стоит. Так, спустили шлюпку, в ней четыре человека. Ерунда! Даже если бы вдвое больше было, справились бы.

– Ну, что у вас произошло? – заорал на довольно приличном английском высокий парень, стоявший на носу русской шлюпки, когда она подошла почти вплотную к сейнеру.

Брэд что-то ответил, видимо, убедительно – русский кивнул. Через минуту он и двое его спутников оказались на палубе – в шлюпке остался один.

– Бей! – рявкнул Хасан.

Брэд и Андрей среагировали мгновенно. Брэд мощным ударом в солнечное сплетение свалил одного из русских моряков, Андрей вырубил второго, а в третьего в упор выпалил из пистолета – и когда успел его выхватить? Профессионал,

ничего не скажешь, не зря его Хасану порекомендовали. Застреленный им мужик еще не успел упасть, а Андрей уже перепрыгнул через борт и оказался в шлюпке – выстрелил он еще в воздухе, так что когда его ноги коснулись дна шлюпки, последний из четверки спасателей уже валился за борт с простреленной головой.

И в тот же миг из-за сейнера вынырнул катер и стрелой понесся к сухогрузу. Столпившиеся на его палубе русские еще толком не поняли, что произошло, а катер уже треть пути преодолел. Тут в дело вступил сам Хасан. Нужно было дать боевикам возможность беспрепятственно попасть на борт корабля. А для этого русских надо частично перебить, частично заставить залечь.

Хасан выскочил на палубу и одной длинной очередью опустошил больше половины магазина своего автомата – русского, кстати, «калашникова». Сразу видно, что несколько человек срезал – они сразу повалились. А после секундного замешательства кинулись на палубу и остальные.

«Как хорошо и удобно, когда не надо заложников брать», – промелькнула мысль у араба. Обычно начальство за лишние жертвы во время операции штрафовало – каждый живой пленник представлял собой немалую ценность. Но не в этот раз. Вот доберутся до самого ледокола – там другое дело. А пока можно стрелять сколько угодно.

Когда катер был еще метрах в двадцати от сухогруза, все пять боевиков выстрелили в него кошками, которые успешно

зацепились за борт. Кошки были особые – не обычные крючки, которые то воткнутся, то соскользнут, а мощные магниты. И они не подвели. Все пятеро взлетели по тросам на палубу не хуже, чем по лестнице.

Здесь, не тратя ни одной секунды, они разделились. Два араба, едва перемахнув через борт, стали палить по лежащим на палубе людям. Третий араб и чеченец рванулись вниз, к машинным отделениям, к каютам. А афганец кинулся к штурманской рубке – где она расположена, он знал из инструктажа, который недавно провел Хасан. В узком коридоре навстречу ему кинулся какой-то матросик – Фарид мощным ударом кулака отшвырнул его с дороги, свернул за угол. Здесь, уже на пороге рубки, ему преградили дорогу еще двое – у одного из них в руках был пожарный топор – видимо, моряки спохватились, осознали, что происходит.

Топор свистнул в воздухе – но Фарид, чуть подавшись назад, пропустил лезвие буквально в сантиметре перед собой и тут же, молниеносным движением, схватил топор пониже обуха и вырвал его из рук моряка. Второй матрос тем временем кинулся на афганца с другой стороны, но оружия у него не было, а потому Фарид даже не счел нужным обратить на него внимание. Он просто спокойно принял несколько ударов – в плечо, в бок, в скулу. С тем же успехом парень мог бы молотить кулаком по бетонной тумбе, пытаясь ее свалить. А Фарид коротко взмахнул топором и разнес вдребезги голову первого из своих противников – бил не острием, а обу-

хом, поленившись повернуть оружие лезвием вперед – незачем. Эффект и без того получился такой, как будто бейсбольной битой по спелому арбузу ударили. Второй моряк, увидев, во что превратилась голова его товарища, мгновенно побелел, схватился за горло и стал медленно сползать по стенке. Его убивать афганец не стал – жалко было тратить секунды. Успеется еще. Он сделал шаг вперед и оказался в рубке.

Вместе с капитаном Пуговкиным здесь были штурман и радист. Когда в рубку ворвался огромный араб с окровавленным топором наперевес, ни один из них играть в героя не стал.

– Что вам... Кто... – с трудом пролепетал Пуговкин. Выглядел он жалко. Впрочем, храбростью капитан никогда не отличался. А здесь ситуация была страшной вдвойне из-за абсурдности. Еще пять минут назад были мир и покой – и вот крики, пальба и в рубку врывается этот громила.

Фарид шагнул вперед.

– Никому не шевелиться. Молчать. А то поубиваю, – говорил он негромко и спокойно – знал, что вкупе с его внешностью это произведет впечатление более сильное, чем любой крик.

Разумеется, послушаться его никто не посмел. Фарид взглянул на часы. Отлично, и пять минут с момента начала операции не прошли, а он свое дело уже сделал. Интересно, как дела у остальных?

У остальных дела тоже шли успешно. Конечно, на первый взгляд пяти человек мало для захвата большого корабля. Но это только на первый. Пассажиров на сухогрузе не было, а команда немногочисленна. И не вооружена. А главное – если цель нападающих не пленники, то все упрощается. Если бы террористы брали заложников, их нужно было бы куда-то сгонять, охранять, следить за ними. Опять же, толпа численностью в двадцать человек запросто может затоптать одного охранника, даже вооруженного автоматом. Но сейчас указаний брать пленных не было. Поэтому прочесывавшие корабль боевики просто стреляли по всему живому, не жалея патронов. Почти половина команды полегла сразу – в шлюпке и на палубе. Закончив с ними, два араба двинулись вслед за уже скрывшимися в недрах корабля товарищами. Впрочем, их помощь не потребовалась – те справлялись с поставленной перед ними задачей превосходно.

Шамиль ворвался в машинное отделение и расстрелял механиков, оставив в живых одного, которому аккуратно прострелил лодыжку. Так приказал Хасан – один механик мог понадобиться. Потом он двинулся к камбузу, по пути убил двух моряков, в камбузе еще четверых. Правда, не обошлось без неожиданностей. Когда он уже собрался уходить из камбуза, на голову ему внезапно обрушился мешок с мукой. На мгновение террорист ослеп и поэтому пропустил первый удар – коренастый парень в тельняшке, выпрыгнувший непонятно откуда, сильно врезал ему по рукам какой-то палкой и

выбил автомат. Но это осталось его единственным успехом. От второго удара террорист легко ушел – отпрыгнул назад, мотнул головой, стряхивая муку, и выхватил из ножен на поясе длинный нож. Мичман Ерофеев был храбр, но никакой спецподготовки не проходил. Он просто кинулся на врага, пытаясь еще раз огреть его скалкой – никакого более подходящего оружия под руку ему не подвернулось. На этот раз Шамиль не стал отступать. Наоборот, он шагнул вперед, поймал запястье руки противника и сильно дернул ее на себя. Скалка полетела на пол, а сам Ерофеев потерял равновесие и стал валиться на врага. И получил колющий удар ножом в сердце.

Аккуратно опустив труп на пол, Шамиль вытащил нож из раны и обтер лезвие о тельняшку убитого. Больше в камбузе никакие сюрпризы его не ожидали. Он двинулся дальше, к каптерке и прочим хозяйственным помещениям. Кто-то мог спрятаться там.

Хасиф, которому была поручена зачистка кают, тоже сделал свое дело без ошибок. На каждую каюту он тратил не больше десяти секунд – мощный удар ногой в дверь, шаг вперед, если кто-то есть, то короткая автоматная очередь, если никого на виду нет, то молниеносная проверка койки, шкафа – вдруг обитатель каюты спрятался. И дальше. Большая часть кают пустовала, только в трех из них араб застал людей. Да еще из одной, находившейся в самом конце коридора, выскочил моряк, видимо, надеясь удрать. Зря он на это

надеялся. Хасиф всадил ему пулю в спину, между лопаток. А потом, когда подошел к неподвижному телу поближе, выстрелил еще раз – в затылок.

Когда Хасан аль-Кеир поднялся на палубу, все уже было кончено. Его встретил один из арабов.

– Потери? – коротко спросил Хасан.

– Потерь нет.

– Рубка?

– Захвачена.

– Пленники?

– Капитан, штурман, старпом, один из механиков. И еще трое.

– Где они?

– В рубке.

– Отлично. Оставайся здесь. Только автомат убери. Подай сигнал остальным нашим, пусть сюда перебираются. И скажи им – пусть убьют этих, – он кивнул на трупы.

Войдя в рубку, Хасан одобрительно кивнул Фариду. И перевел взгляд на Пуговкина. Тот уже успел немного прийти в себя и вспомнить о том, что он капитан. Пусть и не военного судна, но все же судна.

– Что вам надо? – Пуговкин понял, что вошедший – главный. Разговаривать с тем типом, который ворвался сюда с топором наперевес, было просто бессмысленно. С этим – другое дело.

– Меня зовут Хасан. И если вы все хотите остаться в жи-

вых, в ближайшее время вы будете беспрекословно выполнять все мои команды. Первое, что я требую, – немедленно свяжитесь с ледоколом. Придумывайте что угодно, но ледокол должен сбавить скорость и дожидаться нас. А еще лучше, если он сам сюда вернется.

– Это невозможно! – воскликнул Пуговкин. – Бессонов не имеет права...

– Молчать! – Хасан сказал это слово вроде и негромко, но Пуговкин осекся. Очень уж интонация была зловещая.

– Если я еще раз услышу слово «невозможно», ты лишишься одного уха. Для начала, – по-прежнему практически не повышая голоса, сказал Хасан. – То же самое будет, если еще раз меня перебеешь. Кстати, остальных это тоже касается.

Араб сделал многозначительную паузу. На этот раз вклиниться в нее никто не решился.

– Итак, приступайте. Мне важно, чтобы мы в течение ближайшего часа встретились с ледоколом. И чтобы при этом не присутствовали другие корабли. Как это устроить – дело ваше. Но помните – от этого зависят ваши жизни. Приступайте.

– Хорошо... – Пуговкин понял, что противоречить нельзя. – Но поймите, это же действительно нево... То есть очень трудно. Капитан ледокола не имеет права оставлять караван! Да и вообще – на что вы рассчитываете?! Ледокол вам все равно не захватить! Там охрана!

Хасан, не говоря ни слова, медленным движением вытащил нож. И внимательно посмотрел в глаза капитану.

– Понял, понял, – Пуговкин стал лихорадочно кивать. – Сейчас! Леша! Леша, передавай, что... Что у нас...

Радист придвинулся к своему аппарату.

– Что передавать? – глухо спросил он.

– Что у нас... – капитан явно не мог придумать ничего толкового. Впрочем, поблескивающее лезвие в руках Хасана было отличным средством для стимуляции фантазии.

– Подождите, Николай Степанович, я не смогу ничего передать! – неожиданно сказал радист. – Помехи! Очень сильные помехи! Я уже говорил вам! Правду говорю! – теперь радист уже обращался к Хасану.

– Знаю, – кивнул араб. На самом деле он просто забыл о помехах.

– Так, – Хасан взглянул на часы. – Помехи кончатся через четыре минуты. Вот вам как раз и время хорошенько продумать, что говорить будете. Смотрите, если что не так, умирать вы будете очень нехорошо.

Пуговкин сглотнул. Он понимал – этот тип не шутит. На несколько минут в рубке повисла тишина – тяжелая и вязкая, словно загустевшая смазка.

Наконец, еще раз посмотрев на часы, Хасан спросил:

– Ну, что там с помехами? Исчезли?

– Да, – кивнул радист.

– Тогда действуйте.

– Передавай, что среди спасенных моряков двое тяжело ранены, – тихо сказал Пуговкин. – Что своими силами мы им помощь оказать не можем, нужно переправить их на «Суряпина». Ну, передавай! И скажи, что это срочно, что они в критическом состоянии.

Глава 4

Капитан Бессонов проснулся от того, что почувствовал – корабль меняет курс. Причем, если бы его попросили сказать, по каким именно признакам он это понял, Бессонов объяснить бы не смог. Сказывался многолетний опыт хождения по морям. Он просто почувствовал, что корабль меняет курс, и был совершенно уверен, что не ошибается.

Чертыхаясь себе под нос, Бессонов слез с койки, оделся и поспешил на мостик. Хотя ничего особенного случиться не может, он просто не сумеет спокойно заснуть, пока не выяснит, в чем дело.

– Ну, и куда мы идем? – спросил капитан, входя в рубку. – Почему курс сменили?

– А откуда вы узнали, Павел Сергеевич? – восхищенно спросил радист, совсем еще паренек.

– Походишь по морю с мое – поймешь, – отозвался Бессонов. – Ну? Так в чем дело?

– Пуговкин на связь выходил, – сказал старпом. – Говорит, что двое из американцев, которых он снял с сейнера, тяжело ранены. Своими силами он обойтись не может, нужна наша помощь.

Бессонов только зубы сжал. Ну, он это Пуговкину припомнит! Конечно, медотсек на ледоколе получше, чем на сухогрузе, и врач поопытнее. Но все равно – мог бы Пуговкин

своими силами справиться! А если бы что с оказанием медицинской помощи и не совсем хорошо пошло – никто бы его не упрекнул. Жаловаться на то, что на оказавшем тебе помощь корабле медицина не на высоком уровне, даже американцы не додумаются. Это же сухогруз, а не плавучий госпиталь! Но теперь, когда Пуговкин уже по радио помощи потребовал, отказать нельзя – а то напортачит там что-нибудь его медик, крайним моментально окажется капитан Бессонов, который в требуемой помощи отказал.

– И что ты решил?

– Поворачивать, идти к нему навстречу.

Бессонов нахмурился.

– А почему меня не спросил?

– Павел Сергеевич, вы же только-только спать ушли! Да и что бы вы сказали? То же самое и сказали бы. Разве нет?

Бессонов промолчал. С одной стороны, капитан был недоволен тем, что решение принято без него. А с другой – ведь о нем же Скурихин заботился. Да к тому же если в каждый вопрос самому влезать, то на кой черт тогда вообще нужны всякие заместители и помощники?

– А караван как же? – спросил Бессонов вслух.

– Да ничего с ним не сделается. Льды уже кончились, пусть помаленьку вперед двигаются, а мы их потом догоним. В крайнем случае, если все-таки полоса льда попадется, никто их напролом не погонит. Подождут нас. А вообще, я уверен, что не будет больше сплошных полос льда.

– Ладно, – кивнул Бессонов. – Не возражаю.

Через сорок минут сейнер и ледокол оказались в двух кабельтовых друг от друга. Сходиться ближе было неразумно – большие мощные суда в случае необходимости быстро не остановишь. Вышедший на связь Пуговкин сообщил, что высылает катер – море было довольно спокойным, так что решение было разумным. Бессонов дал «добро». Пуговкин сообщил, что кроме двух тяжелораненых есть еще двое с обморожениями. Их он тоже предлагал доставить на «Суряпина». Бессонов чертыхнулся, но согласился. Раз уж все равно задержаться пришлось, то почему бы и нет? Все-таки медицинский отсек на ледоколе намного лучше.

Вскоре от сейнера отвалил катер. В нем было шесть человек. Двое из них лежали – вероятно, это и есть те самые тяжелораненые американцы, – четверо стояли. Они были одеты в плотные робы с капюшонами, лиц не различить.

Катер пришвартовался к ледоколу. Сверху подали трап. Двое из катера стали осторожно поднимать одного из раненых. На палубе ледокола возле места, где пришвартовался катер, в этот момент было девять человек. Боцман, третий помощник капитана, врач, медсестра, два дежурных матроса в качестве санитаров и еще трое матросов в стороне – этим просто любопытно было посмотреть на происходящее. Вообще-то сначала любопытствующих было больше, но боцман их всех разогнал. Эти трое оказались самыми упорными, отошли недалеко и ненадолго. А когда уже начался подъем

раненых, всем стало не до них.

Одним из наиболее уязвимых мест в плане Хасана было то, что на ледокол поднимались только его люди, которых, разумеется, никто из русских в лицо не знал. Конечно, вряд ли все русские знают всех на сейнере, но все же риск был. Собственно говоря, как раз для того, чтобы свести этот риск к минимуму, в его команде и были Брэд и Андрей – два человека с ярко выраженной европейской внешностью. Многие считают, что исламские экстремисты – это исключительно арабы. Ничего подобного. Белые среди них тоже встречаются – и не так уж редко. Истории Андрея и Брэда были в этом плане очень похожи – оба парня по каким-то причинам приняли ислам. И, как часто бывает с неофитами, оказались более радикальными и фанатичными, чем большинство тех, кто в этой вере родился и вырос. На них обратили внимание, парни поехали в Азию, там попали сначала в религиозные школы экстремистского толка, а потом и в лагеря подготовки боевиков. В итоге ни того ни другого нисколько не смущала необходимость стрелять в соотечественников. А за счет своей внешности пользы иной раз они могли принести больше, чем десять арабов. Сейчас был как раз один из таких случаев.

– Привет, братишки! – крикнул Андрей, перелезая через фальшборт. – Вот, притащили вам америкоса полудохлого.

Ни на одном лице не отразилось и тени сомнения в том, что моряк свой. Да, этого парня никто не знал в лицо. Ну и

что? Он с другого корабля, невозможно же знать всех, кто идет с тобой в одном караване – особенно если в нем полтора десятка кораблей.

Парни опустили тело на палубу, над ним тут же склонился врач. И, сдавленно охнув, пошатнулся. В тот же миг Брэд и Андрей выхватили из глубоких карманов своих роб пистолеты. Цели были распределены заранее. Брэд выстрелил в боцмана, в матроса-санитара, затем во второго, но тот успел среагировать, кинулся на палубу, перекатился, и все же следующий выстрел его настиг. А Андрей взял на себя другое направление стрельбы. В первую очередь он стал стрелять в любопытствующих матросов, стоящих поодаль. Первый выстрел оказался удачным – пуля разнесла матросу подбородок и засела в горле, но вот вторая уже в цель не попала. Товарищ убитого оказался шустрым – он как заяц скаканул в сторону. Андрей выстрелил снова – и опять промахнулся. Трудно попасть из пистолета в движущуюся мишень на расстоянии почти в двадцать метров. А третий матрос с громким криком кинулся в другую сторону. Но тут же споткнулся и рухнул на палубу – притворявшийся раненым американцем Хасан выстрелил из сидячего положения и попал ему в спину. Раздался истеричный визг медсестры. Хасан вскинул пистолет – и девушка захлебнулась собственной кровью, пуля разнесла ей гортань.

На все это – от момента, когда тело «раненого» коснулось палубы, и до последнего выстрела – ушли буквально пять-

шесть секунд, никак не больше. Что ж, так Хасан и рассчитывал. Правда, один матрос сумел удрать, но это уже не важно. Переполох на ледоколе все равно начнется – и от криков раненых, и от визга медсестры. Этого избежать было нельзя. Теперь важна скорость. Победит тот, кто окажется быстрее.

Разумеется, Хасан не надеялся, что ледокол удастся захватить втроем или даже вшестером, учитывая тех, кто прибыл вместе с ними на катере и сейчас уже поднимался на борт «Дмитрия Сурыпина». Просто сейчас, как только началась стрельба, сейнер, на котором находились остальные его люди, должен был тронуться с места. Задача же шестерых боевиков – удержать часть борта ледокола до того момента, когда сейнер пришвартуется. А там уж разговор другой пойдет. Трех десятков опытных боевиков для захвата ледокола должно хватить. Не такая уж тут большая охрана – тот самый эффект работает, на который рассчитывали те, кто планировал операцию. Да и те охранники, что есть, наверняка сейчас не вооружены, а половина из них и вовсе спит в каютах. И морально они наверняка не готовы к бою – а это тоже очень важно.

Из одной двери высунулась чья-то голова – Хасан тут же выстрелил. Не попал, пуля высекла искру из железного косяка, и человек спрятался. Сзади раздался шум – это поднялись на борт еще три боевика, которые были в катере. У них были с собой автоматы – и для себя, и для товарищей. Хасан тут же схватил свой – теперь стало чуть поспокойней,

а то с одним пистолетом он себя словно голым чувствовал. Ага, вот уже и сейнер тронулся с места, двинулся к ледоколу. Ждать оставалось считанные минуты.

В этот момент взревела корабельная сирена. Хасан усмехнулся уголком рта – спохватились наконец-то! Но спустя секунду ему уже стало не до смеха.

Одновременно из двух выходов на палубу показались стволы автоматов, прогремели очереди. Пока стреляли явно не прицельно, рассчитывая заставить врага залечь. Хасан приподнялся, выпустил короткую очередь в ответ, снова спрятался за трупами русских моряков.

– Гранату, Хасим!

Один из арабов швырнул в проход гранату – и попал. Хлопнул взрыв, из коридора раздались крики раненых. А сейнер уже добрую половину пути до ледокола проделал. К счастью, русские не сообразили дать полный ход – вот тогда бы террористам пришлось плохо. Догнать ледокол сейнеру бы не удалось, а засевшую на палубе шестерку они бы в итоге наверняка одолели. Но русский капитан, видимо, оплошал.

Хасан дал еще несколько длинных очередей, так же поступили его люди, и вот долгожданный момент – с громким лязгом сейнер пришвартовался к ледоколу. На борт «Суряпина» тут же полетели кошки, и террористы полезли на палубу – настоящий абордаж, хоть фильм про пиратов снимай.

– Вперед! – Хасан махнул рукой, и его группа рванулась за ним. В коридор, который был их целью, тоже предварительно

бросили гранату. Она рванула, Хасан, не теряя времени, кинулся вперед – и чуть не нарвался на выстрел. Парень с искаженным от боли лицом приподнялся на руках из лужи крови и выстрелил из автомата прямо в него. От смерти Хасана отделяли десятые доли секунды – но он успел их использовать. Он даже не присел, просто нырнул головой вперед, а пуля прошла над ним, пробила его капюшон и угодила в араба, шедшего сразу за командиром. Он охнул и осел на пол, держась за простреленную грудь. А парень из комендантского взвода больше на спусковой крючок нажать не сумел – просто сил не хватило. Глаза его закатились, и он ткнулся лицом в лужу собственной крови – несколько осколков гранаты попали ему в грудь, так что и этот его выстрел мог считаться чудом.

Но это не остановило террористов. Они рвались вперед, к ходовой рубке. И добрались до нее в расчетное время – через полторы минуты после швартовки сейнера.

Хасан рассчитал все точно. А точнее, даже не Хасан, а те, кому принадлежала идея атаковать атомный ледокол. Никто из команды и комендантского взвода к атаке был просто не готов. В тот момент, когда террористы уже рвались к рубке, к машинному отделению, к рации, многие из русских еще даже не знали, что на их корабль совершено нападение. Охрана оказалась практически безоружной – только у дежурной смены при себе были стволы, все остальные хранились в специальном сейфе у коменданта. А комендант на момент на-

чала кровавых событий мирно спал у себя в каюте. В итоге через несколько минут террористы захватили радиорубку, ходовую рубку, машинное отделение, систему управления атомным реактором – проще говоря, ледокол был у них в руках.

В ходовой рубке Хасан и его боевики застали рулевого и старпома. Сопротивляться те не пытались – смысла не было, ведь они были не вооружены.

– Корабль не должен двигаться с места, пока я не прикажу, – сказал Хасан, глядя на старпома. – Ясно?

– Кто вы такие?! Что вам здесь нужно?! – Голос Скурихина сорвался, чувствовалось, что он в шаге от истерики.

– Не твое дело. Так, Брэд, Хасим, оставайтесь здесь. Следите, чтобы все было в порядке.

Оба боевика кивнули. Брэд шагнул вперед, занял место в углу рубки, наставив ствол автомата на рулевого. Хасим остался у входа – наблюдать за коридором.

Хасан махнул рукой двум другим боевикам – они последовали за ним. Хасан направлялся в радиорубку. Теперь, когда корабль был фактически захвачен, самым важным было правильно построить общение с внешним миром. Он поднял руку, включил небольшую рацию, которая находилась в наплечном кармане:

– Говорит Хасан. Капитан захвачен!

– Да, – тут же отозвался чей-то голос – из-за помех Хасан не узнал говорящего.

– Немедленно доставить его в радиорубку.

– Захвачено.

– Осман, сопротивление еще оказывают?

Абу Осман, главный помощник и заместитель Хасана, отозвался через пару секунд:

– Сопротивления не оказывают, но несколько человек успели уйти вниз, под палубу.

– Пока не преследовать. Осман, жду тебя в радиорубке.

– Хорошо.

Через несколько минут в радиорубке собрались Хасан, Абу Осман и еще три боевика. Сюда же приволокли капитана Бессонова.

– Если кто-то еще не понял, объясняю, – сказал Хасан, глядя поверх голов русских. – Ваше судно захвачено отрядом организации «Аль Джафар». В случае необходимости мы не остановимся ни перед чем. Но если вы будете выполнять все наши требования – останетесь в живых. Все, больше времени на рассуждения у меня нет. Итак, первое требование: связаться с берегом и сообщить...

– А пошел бы ты, обезьяна уродская! – Глотка у Бессонова была мощная, он рявкнул так, что державшие его арабы аж присели. – В задницу себе свои требования засунуть можешь!

Внешне Хасан остался совершенно спокоен, но в глазах его зажглись злые огоньки. Однако способности трезво мыслить он не потерял. И понимал, что убивать капитана пока

не стоит – он еще пригодится. Избить его можно, но... Хасан умел разбираться в людях. Этот человек явно не из слабых – конечно, и его можно сломать, но быстро это сделать не удастся. По крайней мере, обычными методами.

Хасан поднял пистолет, прицелился в голову молодого матроса, сидевшего в углу рубки, – сюда его только что бросил Фархад. Матрос вздрогнул, побледнел, открыл рот... Но сказать ничего не успел – Хасан нажал на спусковой крючок. Голова моряка дернулась, словно футбольный мяч, который положили к стенке, а потом сильно пнули. А Хасан перевел ствол пистолета на радиста.

– Нет, нет! Меня не надо! – Тот сжался, прикрыл лицо руками – словно эти действия могли защитить его от пули. – Я радист! Я умею с рацией работать!

– У меня каждый второй в отряде с такими рациями работать умеет, – спокойно сказал Хасан. – Ну, – он снова обратился к капитану, – теперь будешь мои требования выполнять? Или мне еще и этого пристрелить? А потом еще одного – и так до тех пор, пока ты не передумаешь?

Бессонов скрипнул зубами. Он был уже немолод и за свою жизнь не боялся. Но для хорошего капитана, – а он был именно таким, – члены команды почти как дети. Смотреть, как эти выродки их одного за другим расстреливают, Бессонов не мог.

– Что передавать? – хриплым голосом спросил он, шагнув к рации.

Хасан усмехнулся. Вот и все – меньше чем за минуту и без всякого мордобоя.

– Первое: прикажи остальным кораблям своего каравана следовать своим курсом. Чтобы ни один из них не пытался остановиться или вернуться обратно. Второе. Свяжись с берегом. Сообщи, что ледокол захвачен террористами. Можешь честно рассказать о наших методах, – Хасан кивнул на убитого матроса, вокруг головы которого уже растеклась большая темная лужа. – И сразу же, как только о нас сообщишь, скажи, чтобы ни единого слова о террористах не появилось в средствах массовой информации. Пусть они там что угодно выдумывают, но если хоть одно слово про нас будет в эфире – мы тут же перестреляем всех заложников. После этого отдашь микрофон мне. Об остальных наших требованиях я сам все расскажу. Ну, а потом поможешь нам с кораблем управляться. Все ясно?

– Все, – выдохнул капитан. Больше всего он сейчас жалел об одном – что не может вместе с кораблем и с этими гадами под землю провалиться. Ну, или, точнее говоря, под воду. От бессилия скулы сводило судорогой.

Глава 5

За последние два десятилетия российскому Военно-морскому флоту пришлось пережить нелегкие времена. Впрочем, не только флоту, а всем Вооруженным силам. В первые годы демократии в стране к армии относились как-то странно. С одной стороны, вроде бы и совсем упразднить ее нельзя, а с другой, если послушать кое-каких политиков, то получалось, что и не нужна России армия вовсе. Да, буквально так многие и говорили! И приводили в пример Японию. Живет-де эта страна без армии уже которое десятилетие, и ничего. Конечно, до роспуска армии было далеко, но вот срезать Министерству обороны финансирование после таких речей можно было легко и просто. Военные, конечно, роптали. Но кто их слушал? Практически у всех военные вызвали неприязнь и раздражение. Выказывать презрение к тем, кто защищал и защищает Родину, стало своего рода хорошим тоном. Можно сказать, что это было модно. О любом неуспехе армии писали и говорили очень громко, а о любой удаче старались поскорее забыть. Сколько грязи было на Вооруженные силы вылито хотя бы из-за Чечни! Дескать, что это за армия, что это за генералы, которые не могут с маленькой республикой справиться, которую на карте не сразу и разглядишь? Военных обливали помоями, хотя всякому ясно, что основная вина была не на них, а на политиках

и нечистоплотных бизнесменах, которые имели в той войне свои интересы. В общем, плохи были дела у армии в те годы.

Но в последнее время ситуация стала понемногу выправляться. Ушли в прошлое особенно голосистые деятели, ничего не умевшие, кроме как языком трепать, у власти оказались прагматики. И выяснилось, что нужна России армия. И еще как! Сразу нашлись и деньги, и люди – к счастью, оказалось, что еще не поздно армию восстановить. Самое главное, что основа армии – офицеры – все-таки не разбежались кто куда. А ведь были возможности! Но уходили в частные службы безопасности в основном те, от кого пользы мало было. Настоящие профессионалы оставались и, стиснув зубы, на полуголодном пайке продолжали служить Родине, дожидаясь, когда же она наконец вспомнит о них. И вот это случилось.

Сказалось общее улучшение ситуации и на Северном флоте. Еще три года назад корабли не могли выходить из портов – не было горючего. Офицеры могли ждать зарплаты по полгода, а о какой-то новой технике даже мечтать было нельзя. Но теперь все изменилось. Платили морякам вовремя, всем необходимым снабжали исправно, недавно даже довольно масштабные учения провели, чего уже очень давно не случалось. И офицеры воспряли духом – приятно было осознавать, что правы оказались именно они, оставшиеся в рядах, а не те, кто словно крысы с тонущего корабля разбежались по частным охранным фирмам.

К таким офицерам, оставшимся на службе несмотря на все трудности, принадлежал и Сергей Павлов, больше известный на Северном флоте как Полундра. Вот уж он-то мог, уйдя со службы, устроиться так, что любой адмирал бы позавидовал. И предложения были – например, возглавить службу безопасности одного из питерских банков. Или стать шефом секьюрити одной очень крупной туристической фирмы. Еще бы – ведь специалистом Полундра был совершенно уникальным. Он возглавлял отряд подводных спецназовцев, «морских дьяволов». Для этих ребят не существовало невыполнимых заданий. Они умели пользоваться любым оружием, классно владели приемами рукопашного боя и управляли всем, что ездит, плавает или летает, побывали на всех континентах – вплоть до Антарктиды. Плавали в Амазонке и ее притоках, ныряли на дно южных морей, погружались в холодное Берингово море – да разве все перечислишь! Если бы Полундра написал мемуары, они читались бы круче любого боевика. И нигде, ни разу возглавляемые Полундрой «морские дьяволы» не терпели поражений. Бывали потери, бывали неудачи – но окончательная победа всегда оставалась за ними. Этот отряд был своего рода секретным оружием руководства Северного флота. Адмиралы знали – если дело совсем плохо, значит, нужно посылать в бой Полундру и его парней. Они справятся.

Сегодня у Полундры выдался редкий день, когда можно было отдохнуть. Гидрографическое судно, к которому был

приписан Павлов, мирно стояло у «стенки» причала среди эсминцев и тральщиков. Очередная серия серьезных тренировок недавно закончилась, и он отдыхал – вместе с другими свободными от вахты офицерами смотрел телевизор в кубрике. Точнее, не телевизор, а DVD-плеер. Недавно начальство расщедрилось и приобрело его вместе с десятком дисков – в качестве премии за одну успешно проведенную операцию. Кстати, успешной она стала в основном как раз благодаря усилиям Полундры.

– Ну-ка, а включи-ка еще раз сначала, – сказал Полундра, обращаясь к молоденькому лейтенанту, у которого в руках был пульт управления.

– Зачем?

– А я хочу еще раз тот момент посмотреть, когда Ахиллес этого здоровяка мечом ткнул.

Офицеры смотрели «Трою». По общему мнению фильм был неплохой, хотя и не без глупостей. А уж от первоисточника был далек, как небо от земли. Да, офицеры вполне могли сравнивать содержание фильма с первоисточником – как минимум четверо из семи смотревших фильм Гомера читали – несмотря на традиционные представления о военных как о недалеких людях. Впрочем, как всегда замечал в таких случаях Полундра, все анекдоты насчет «Копать от меня и до следующего дуба» рассказывают про пехоту. А морские офицеры – это совершенно другие люди.

Лейтенант добрался до интересующего Полундру места в

самом начале фильма, где Ахиллес победил в поединке мускулистого громилу.

– Все-таки слажали маленько, – сказал Полундра, просмотрев эпизод.

– Что ты имеешь в виду? – спросил его другой офицер, постарше.

– Недостоверно. Я, конечно, на мечах никогда не дрался, но, сам понимаешь, Валера, кто умеет драться по-настоящему, тот умеет драться чем угодно. Так вот, этот эпизод, по-моему, недостоверен. Этот громила щит слишком низко держит. Смотри сам – на уровне пояса. В реальном бою он бы его поднял, шею и голову прикрыл, и хрен бы этот Ахиллес сумел ему меч в шею всадить. И еще – сам этот здоровяк ударил явно замедленно. Ну, сам посуди, если человек на тебя прыгает не из засады, а с разбегу, то есть ты его все время видишь, то это каким же надо тормозом быть, чтобы не успеть по нему врезать, когда он прыгнул?!

– Ну, такие здоровяки обычно медлительны, – пожал плечами Валера.

– Не скажи, – покачал головой Полундра. – Не всегда. Иногда попадают и здоровенные и быстрые. А ведь этот, который в фильме, типа лучший воин во всей армии своего царя. Если бы он был медлителен, то лучшим бы не стал, какая бы у него ни была мускулатура. Боец – не лесоруб. Скорость для него не менее важна, чем сила.

– Ладно, согласен. Ну, так что ж ты хотел – кино есть кино.

Реально такой жлобюра этого Ахиллеса одним щелчком бы убил.

– Еще что-нибудь посмотрим? – предложил один из офицеров.

– Хватит, – покачал головой Полундра. – Два фильма уже подряд посмотрели – надоело.

– Правильно, – поддержал Павлова еще кто-то. Впрочем, если бы и не поддержал – вряд ли бы кто стал спорить. Полундра пользовался среди товарищей непререкаемым авторитетом. Он был живой легендой – смешно сказать, почти как этот Ахиллес из фильма. Во всяком случае, если бы вдруг возникла необходимость кому-то от Северного флота выйти на поединок, от которого зависело бы что-то важное, можно не сомневаться – выставили бы именно Полундру. Так что здесь, в кубрике, несмотря на то что присутствовали два человека старше Полундры по званию, он был признанным лидером. Что звание – если бы не его бескомпромиссность, не привычка говорить правду в лицо, не глядя на погоны собеседника, то Сергей давно бы уже был каперангом. Но многие из высших чинов флота были настроены против него – в основном те, кто в реальном деле никогда не был, а карабкался вверх по служебной лестнице, не вылезая из кабинета. Именно им человек с реальными заслугами был неприятен. Они бы его и вовсе выпихнули со службы, но, к счастью, были в штабе не только они. Были и те, кто адмиральские погоны потом и кровью заслужил – например ад-

мирал Сорокин. Именно он всегда защищал Павлова от всех нападков. Ведь в конце-то концов, не только отчеты да рапорты писать нужно – реальную работу тоже кто-то должен делать! Но вот продвинуть Полундру вверх по службе Сорокину не удавалось – тут уж его противники стояли насмерть. Впрочем, самого Сергея это не очень волновало. Для него главным было не число звездочек на погонах и не оклад, а возможность заниматься любимым делом и служить Родине.

– Давайте лучше новости посмотрим, – предложил Полундра. – Как раз два часа только что протикало. Посмотрим, что еще в мире плохого случилось.

Никто не возражал. Плеер отсоединили и стали переключать каналы в поисках информационных передач. Вскоре одну нашли.

– ...заявил, что считает такое обращение с могилами павших воинов вандализмом, – тараторила симпатичная дикторша. – Подобное поведение не может иметь оправданий.

Тут на экране появился толстый мужик в костюме и при галстуке. Несмотря на приличную одежду, он напоминал свежеотмытого борова. И голос сильно напоминал хрюканье:

– Безобразие... Варварство... Кошунство... Запретить выдачу виз... Разорвать дипломатические отношения... Применить экономические санкции...

– Не знаю даже, кто меня больше раздражает – эстонцы или такие вот защитнички памяти наших солдат, – сказал капитан третьего ранга Рыбалкин, высокий крепкий мужик

со шрамом на подбородке.

– А я знаю, – хмыкнул Полундра. – Такие вот жирные при-
дурки, – он кивнул на экран. – Эстонцы, конечно, не слиш-
ком красиво поступили. У меня самого дед в войну погиб,
так что за тех солдат, что там похоронены, мне больно. Но
все-таки их хоть как-то можно понять...

– В смысле? – вскинулся сидевший дальше всех от По-
лундры офицер. Это был капитан Кривошеин. – Кого можно
понять? Эстонцев?!

– Ну да, – со спокойным видом кивнул Павлов. – Не надо
забывать, что СССР Эстонию силой захватил. Так что им,
эстонцам, нас особенно любить не за что.

– Но мы же их от фашистов освободили! – Лицо Криво-
шеина побагровело.

– От фашистов освободили, а сами захватили, – по-преж-
нему спокойным тоном отозвался Сергей.

– Вообще-то Эстония еще в состав Российской империи
входила, – подал голос еще кто-то.

– Входила, – кивнул Полундра. – Поскольку Российская
империя ее опять-таки силой захватила в середине девятна-
дцатого века.

– Ну вот, дожили... – с горькой усмешкой сказал Криво-
шеин. – Уже и мы, офицеры, начали Россию осуждать.

– Ничего подобного! – решительно отозвался Полундра. –
Я Россию не осуждаю. То, что Эстонию захватили в девят-
надцатом... Ну, что делать, время такое было тогда. Россия

была империей, так официально и называлась. И заметьте, никакими красивыми словесами в таких случаях не прикрывалась. Я, помню, еще в училище один документ того времени читал, так там очень здорово написано было. Эх, точно не скажу, конечно, но примерно так там говорилось... – Полундра прикрыл глаза, вспоминая. А потом продекламировал: – Повинуясь повелению императора и стремясь к дальнейшему расширению границ империи, войска государства Российского вторглись в пределы Кокандского ханства и Хивинского эмирата. Вот так! Никакого вранья про интернациональный долг или что-то в этом роде. Стремление к расширению границ империи – и точка. Кстати, не одни мы тогда такие были. Англичане примерно так же действовали – Индию и Пакистан-то они тоже захватили, не особенно заботясь о красивых словах! Эх... Мне иногда даже жалко, что прошли такие времена.

– Мне тоже, – кивнул Рыбалкин.

– Но насчет эстонцев ты, Сергей, все же не прав, – покачал головой Кривошеин.

– Слушай, Дима, я же не говорю, что они правы на все сто, пойми, – проникновенно сказал Полундра. Обижать Кривошеина, хорошего, в общем-то, мужика и отличного офицера, ему не хотелось. Но, с другой стороны, и мнения своего он скрывать не привык. – Конечно, не нужно было могилу трогать. Но еще раз повторяю – их хоть как-то можно понять! Ну сам посуди – многие эстонцы русских считают захватчи-

ками. И вполне искренне! А вот тех, кто у нас по телевидению их варварами называет, а сам при этом подписывает приказ о том, чтобы в России памятники сносили, а на их месте коттеджи строили, – вот их понять нельзя никак. Я, по крайней мере, не могу.

Кривошеин нахмурился еще сильнее, но промолчал – на это возразить было трудно. В наступившей тишине особенно явственно был слышен голос дикторши:

– Потеряна связь с одним из судов Северного флота, ледоколом «Дмитрий Суляпин». Специалисты предполагают, что причиной этого является мощная магнитная буря. Однако не исключают и какой-либо поломки на ледоколе.

– Этого еще не хватало, – проворчал Рыбалкин. – Что, интересно, с ним случилось.

– Заметьте, не сказали, что ледокол атомный, – подал голос до сих пор молчавший офицер. – Мозги дурят. Ну, нам-то не задурят. Сейчас только атомные и остались.

– Да уж, – кивнул Полундра. – Эпоха «Красиных» и «Дежневых» уже давно кончилась.

– Если атомный и на нем неполадки какие, то это очень хреново, – сказал Кривошеин. – Как бы второй Чернобыль не получился, только дрейфующий в сторону государственной границы.

– Ну, Чернобыль-то точно не получится, – покачал головой Полундра. – Ты не сравнивай мощность настоящей большой АЭС и реактора на ледоколе. У него все-таки мощность

во много раз меньше.

– Это точно, – кивнул Рыбалкин. – Но все равно ничего хорошего, если там неполадки.

– Да ладно, устранят, – махнул рукой молодой лейтенант. – Сами же знаете – у гражданских с обслуживанием ядерных реакторов дело поставлено куда лучше, чем у военных. Особенно с загрузкой и выгрузкой реактора.

Спорить с этим никто не стал – все знали, что это чистая правда.

– Но у них дисциплина ниже, – ни к кому конкретно не обращаясь, проронил Полундра. – Ладно, будем надеяться...

Договорить он не успел. Дверь кубрика распахнулась, внутрь влетел раскрасневшийся мичман.

– Полундра! Тебя адмирал к себе требует! Срочно!

Если моряк не называл фамилии адмирала, это значило, что речь идет о Сорокине и ни о ком ином.

– Но он же на берегу! – удивленно сказал Полундра, поднимаясь со стула.

– Уже нет! Только что на борт поднялся! И сразу потребовал тебя.

– Ясно. Ну, братцы, – Полундра слегка усмехнулся, – не поминайте лихом!

Глава 6

Павел Сергеевич Бессонов до сих пор считал террористов просто психами. Обыкновенными сумасшедшими, которые сумели объединиться в кучу и за счет этого представляют собою угрозу для нормальных людей. Теперь он убедился – это не так. Вот уж кем-кем, а сумасшедшим Хасан точно не был. Другое дело, что цель его Бессонову представлялась совершенно нелепой, но это не мешало арабу идти к ней решительно, уверенно и разумно. Свои требования российским властям он озвучил по радио, не стесняясь капитана. Требования были весьма просты. Не упоминать о террористах ни в каких информационных передачах – для всех атомный ледокол должен быть пропавшим без вести. А когда эта версия станет неубедительной, – Хасан понимал, что скоро такой момент наступит, ледокол все-таки не иголка, – после этого объявить о каких-нибудь технических неполадках. И, разумеется, не пытаться применить силу. Больше, как ни странно, араб не потребовал ничего. Ни денег, ни каких-либо политических шагов. Так что сначала Бессонов пребывал в совершенном недоумении – что этому гаду нужно. Похоже, этот вопрос возник не только у него. Во всяком случае, тот человек, с которым араб разговаривал, попытался выяснить, что Хасан намерен делать с захваченным кораблем. Но разумеется, ответа на этот вопрос террорист своему собеседнику

не дал.

Но вот потом Бессонову все стало ясно. Дело было в том, что Хасан пленников совершенно не стеснялся, спокойно обсуждал со своими людьми дальнейшие планы в их присутствии. Впрочем, скрывать их от Бессонова было бы глупо, поскольку для их осуществления помощь капитана корабля террористам была необходима. Капитан понял, что по радиации говорить его заставили просто для проверки – все то, что сказал он, Хасан мог сказать и сам. Но, видимо, араб хотел убедиться в том, что пленник будет делать, что ему сказано.

Ближайшие планы Хасана были очень просты – он потребовал, чтобы Бессонов вел корабль к американским берегам. Конкретно – к Анкориджу. А по паре обмолвок капитан понял для чего – впрочем, и обмолвки-то тут были не очень нужны. В самом деле: арабские террористы захватили русский атомный ледокол и ведут его к американскому населенному пункту. Вопрос – для чего? Тут и идиот догадается. Совершенно ясно, что они планируют очередной теракт. Конечно, Анкоридж – не Нью-Йорк, цель куда менее привлекательная. Но все же город американский. И если удастся устроить вблизи него атомный взрыв, то этот теракт встанет в один ряд с терактом, совершенным одиннадцатого сентября, когда была произведена атака на Всемирный торговый центр. И понятно, почему он требует не говорить о том, что корабль захвачен его группой, хотя обычно террористы, наоборот, очень любят, чтобы о них как можно больше СМИ

сообщили. Хасан не хочет, чтобы американцы узнали о них и, соответственно, смогли подготовиться. А то ведь ледокол с воздуха и потопить можно – если янки сообразят, какая опасность им угрожает, они долго думать не будут.

В общем, все было понятно. Неясно только, что делать. Как Бессонов ни думал, ничего умного в голову ему не приходило. Можно, конечно, наотрез отказаться выполнять требования террористов. Но на худой конец, они и сами смогут вести судно – особого искусства здесь не нужно, ведь льды уже остались позади. Наверняка в группе Хасана есть моряки – в конце концов, подвел же кто-то сухогруз к ледоколу!

«Вот если бы удалось как-то повредить корабль», – промелькнуло в голове Бессонова. Но реализовать эту идею было очень нелегко. Напороться на какую-нибудь скалу арабы не позволят. А повредить корабль иначе нереально. Хотя... Если испортить систему управления ядерным реактором, тогда, пожалуй...

Размышления капитана были прерваны сильным толчком в спину. Здоровенный араб впихнул его в рубку, откуда Бессонова недавно вывели – Хасан и еще двое из его людей совещались.

– Веди корабль к Анкориджу, – приказал Хасан.

Бессонов принял решение. Он сделает вид, что поддался, а сам попытается сыграть в свою игру. Только бы инженеры, ответственные за управление реактором, сообразили подыграть ему!

– Хорошо, – сказал капитан вслух и занял свое место.

Несколько минут он действовал как обычно – атомный ледокол штука сложная, быстро его с места не стронешь, нужна подготовка. Арабы немного расслабились, только один, явно разбирающийся в морском деле, продолжал внимательно следить за Бессоновым.

«Смотри, смотри, – думал капитан, тестируя все системы. – Уж не знаю, на чем ты ходил, но уж точно не на атомном ледоколе. Курс ты мой проверить сможешь, но вот система поступления энергии тебе наверняка не понятна. А если я вот этот датчик обнулю, что скажешь? Ага, ничего не сказал, молчишь с умным видом! Ну, точно, не разбираешься ты в этих вещах. Отлично!»

В ходе проверки систем Бессонов аккуратно обнулil три важных датчика, переключил один из тумблеров мощности на нейтральное положение и вырубил систему аварийного отключения главного энергетического контура. Теперь, если бы реактор дал полную мощность, система заработала бы на пределе – и даже за пределом, с перегрузкой. Арабы этого проконтролировать не смогут. Лишь бы только инженеры поняли его план и дали полную мощность без вопросов! Они-то, конечно, поймут, что система может этого не выдержатъ. Но ведь не дураки же, догадаются, что именно это сейчас и нужно.

«Только бы не оказалось, что с террористами есть кто-то, кто в ядерной энергетике хорошо разбирается, – думал Бес-

сонов. – Да нет, откуда бы такие спецы среди террористов. Люди, которые в таких вещах способны разобраться, религиозными фанатиками не становятся. Ох... Не нарваться бы только на исключение из правил».

Пока разум боролся со страхом, руки исправно делали свое дело. Пару раз боевик, наблюдавший за Бессоновым, задавал ему вопросы, но по этим вопросам чувствовалось, что террорист ничего толком не понимает – обвести его вокруг пальца оказалось проще простого. Еще пара минут, и все будет готово.

Была, правда, и еще одна опасность. Бессонов был не уверен, что корабль не выдержит работы с перегрузкой. Смешно, но факт – капитан надеялся на то, что корабль не выдержит. Вообще-то любые системы, имеющие отношение к ядерной энергетике, делаются с изрядным запасом прочности. Атомный ледокол – не исключение. Но, с другой стороны, корабль-то уже дряхлый, латаный-перелатанный. Он и в обычном рабочем режиме все время капитана в напряжении держал – так неужели перегрузку выдержит?

«А вот возьмет и выдержит, – мрачно подумал Бессонов. – Просто из вредности. У нас ведь вся техника так действует – когда не надо, работает, когда надо – ломается. Но что делать, других вариантов все равно нет».

Тем временем все уже было готово для задуманного. Глянув на пульт управления, Бессонов поразился – расскажи ему кто, что он когда-нибудь такое с собственным кораблем

учинит, первым делом в морду бы дал, а потом психиатров вызвал бы. А вот поди ж ты – пришлось. Вспоминается ко-
рова из «Особенностей национальной охоты» – жизнь заста-
вит, и не так раскорячишься.

– Готово все, – сказал капитан вслух. – Теперь мне надо
с инженерами, которые дежурят у системы управления гене-
ратором, связаться.

– Связывайся, – кивнул Хасан. Он был напряжен, как
хищник, подкарауливающий добычу. Но подвоха пока не за-
мечал.

– Сема, как слышишь меня? – спросил Бессонов в пере-
говорное устройство.

– Нормально, Павел Сергеевич, – отозвался старший ин-
женер. Голос у него подрагивал, но чувствовалось, что спо-
собности мыслить здраво он от страха не потерял.

– Как там у тебя дела? Порядок?

– Ну, если не считать того, что рядом три гада с автомата-
ми, то порядок. – Тут голос инженера пресекся, он сдавлен-
но охнул, застонал. Видимо, кто-то из террористов не понял
юмора.

Хасан подался вперед, отодвинул Бессонова и рывкнул в
микрофон:

– Не калечить! Расстреляю, шакалы!

Через несколько секунд инженер снова заговорил:

– В общем, все чудесно, товарищ капитан. У вас, я так
понимаю, то же самое.

– Правильно понимаешь, – мрачно сказал Бессонов, поглядывая краем глаза на Хасана. Тот пока никаких угрожающих движений не делал.

– В общем, придется, похоже, делать, что они говорят.

– Я тоже так думаю, – ответил инженер.

– Сейчас мы должны будем сняться с места и плыть к... – У горла Бессонова мгновенно оказался нож. Вторую руку Хасан поднес к лицу и прижал к губам указательный палец. Не понять его было трудно. – В общем, неважно куда именно, – продолжил капитан. – Куда они скажут. Так что, Сема, подавай в главную систему энергию. И побольше мощность, нам идти нужно быстро. Давай максимум энергии. Справишься?

Момент был ключевой. Сообразит Семен, что от него нужно, или нет? Если он сейчас начнет удивляться, спрашивать, зачем максимальная мощность нужна, если скорость корабля вовсе не от нее зависит – то все пропало. А мощность максимальная сейчас и правда не нужна – когда не приходится ломать лед, особенно много энергии не нужно, и главный инженер не может этого не понимать.

– Значит, максимум... – протянул инженер.

– Ну да! Говорю же, быстро идти надо! Не знаю, как тебе, а мне жизнь пока дорога! – Бессонов надеялся, что ему удалось убедительно изобразить страх за свою шкуру. Впрочем, что тут особо изображать – как будто он на самом деле за нее не боится! Так что великое актерское мастерство здесь не требуется.

– Хорошо, хорошо, понял. Будет энергия, Павел Сергеевич, – отозвался инженер. – Сколько надо, столько и будет. Сейчас разгоним реактор, и порядок. Думаю, минут через двадцать на максимальный уровень выйдем.

– Отлично. Действуй!

Капитан оглянулся на Хасана. Тот одобритительно кивнул. Ага, значит, ничего не понял, пока все идет, как надо.

Дальше все тоже шло именно так, как запланировал Бессонов. Через несколько минут ледокол тронулся с места. Напряжение в сети основного контура росло, но отключенный индикатор этого не показывал, а вырубленная автоматическая система безопасности тоже сработать не могла. Вскоре корабль шел уже полным ходом, выдавая скорость в девятнадцать узлов. Главный энергетический контур работал с чудовищной перегрузкой. Хотя на основном пульте благодаря его стараниям ничего и не отражалось, Бессонов буквально всем своим телом чувствовал, каково сейчас приходится кораблю. Старый капитан, он умел чувствовать корабль, он был с ним как единое целое.

Прошли пять минут, десять – а ледокол все шел вперед, рассекая серые волны. Террористы заметно расслабились, тот, который наблюдал за Бессоновым, одобритительно показывал головой. А в голове капитана билась одна мысль – неужели судно выдержит? Неужели он настолько недооценивал свой корабль?! Да нет, не может такого быть...

Под потолком взвыла аварийная сирена – это была неза-

висимая система, отключить которую было просто нельзя – конструкторы не предусмотрели такой возможности. Никогда бы Бессонов не подумал, что когда-нибудь так обрадуется этому страшному для всякого моряка звуку.

– Что это такое? – Хасан мгновенно оказался рядом.

– Аварийная сигнализация. Что-то случилось.

– Что?! Отвечай, собака, или прирежу!!

– Не знаю! Сейчас разберусь!

Араб приставил ствол пистолета к груди матроса – его специально приволокли сюда для психологического воздействия на капитана.

– Через три минуты, если ты не скажешь мне, в чем дело, я его пристрелю! А потом буду убивать каждую минуту еще по одному человеку!

– Сейчас, сейчас, – капитан кинулся к пульта. На этот раз он работал по-настоящему – ведь ему и самому было важно знать, что произошло.

На то, чтобы разобраться, ему хватило одной минуты. Случилось то, чего моряки-атомщики всегда боятся больше всего.

– Система управления реактором отказала! – крикнул капитан, поворачиваясь к Хасану.

– Что это значит?

– Что если ее не наладить, то в течение ближайших двух часов мы взлетим на воздух!

На самом деле все было не так страшно. Бессонов специ-

ально преувеличивал опасность. Система управления реактором действительно дала сбой – но пока коэффициент размножения нейтронов не вышел из-под контроля. Другое дело, что влиять на систему люди пока не смогут – а значит, не смогут и полностью заглушить оставшийся без управления реактор. Но автоматика не даст ему взорваться – по крайней мере некоторое время. И уж никак не в течение двух часов, а намного больше.

– Что нужно делать? – Хасан оскалился по-волчьи. Он чувствовал, что его хотят обмануть, но ничего не мог поделать – не разбирался он в этой проклятой технике. В душе он последними словами проклинал нынешнее злосчастное время – когда настоящий мужчина и шагу не может ступить без помощи всех этих умников. То ли дело было во времена его деда – тот умел скакать на коне, стрелять из ружья и рубить саблями. И не было в его жизни случая, чтобы пришлось пожалеть о том, что чего-то еще он не умеет.

– Надо запустить резервный источник энергии – дизель-генератор, – сказал Бессонов. – После этого появится электричество во вспомогательных контурах. А потом послать инженеров к реактору, они наладят систему управления вручную.

– А потом?

– Потом все. Можно будет плыть дальше.

– Сколько времени все это займет?

– Запуск дизеля – совсем немного, несколько минут. А

ручная настройка системы... Трудно сказать. Это будет зависеть от того, кто туда пойдет.

– Делай все что нужно! Мы должны тронуться с места... – Хасан запнулся, – через два часа! Иначе я начну расстреливать!

Бессонов кивнул. Он заметил, что араб уже сбавил обороты. Дал два часа. Это же довольно много! Столько всего может случиться за эти два часа. Ведь российские власти тоже не дремлют, надо полагать. К тому же, возможно, через два часа можно будет убедить этого араба в том, что поломка серьезнее, чем ожидалось, и необходимо еще время.

Запустил дизель Бессонов быстро – даже свет начать меркнуть не успел, – а он после остановки главного генератора питался от резервных батарей. После этого капитан снова связался со старшим инженером. Они обсудили поломку – вполне серьезно. И решили, что нужно идти к генератору, делать то, о чем Бессонов террористам только что рассказал.

– Кого пошлем? – спросил капитан. – Думаю, нужно идти Славе...

– Слава убит, – голос инженера дрогнул.

– Как?!

– Вы же его знаете. Он храбрый... был. Кинулся на этих... – инженер явно с трудом удержался от бранного слова, – с гачным ключом. Его застрелили.

Хасан поморщился. Вот всегда так – убьешь кого-нибудь, а потом оказывается, что именно его-то убивать и не нужно

было. Эх, знать бы заранее!

– Ясно, – сказал Бессонов. – Тогда нужно идти тебе самому.

– Согласен. А техника...

– Я сам с тобой пойду. Техника лучше меня ты не найдешь.

Инженер сумел сдержаться и не возразил – наоборот, даже сумел промычать что-то одобрителное, хотя прекрасно знал, что в работе техника при реакторе капитан Бессонов разбирается как кошка в высшей математике. Но он сумел сообразить, что Бессонов напрашивается с ним не просто так.

– Я сейчас к тебе приду, – сказал Бессонов.

– Жду.

– Одни вы не пойдете, – заявил Хасан, когда разговор был окончен. – Я отправлю с вами двух своих бойцов.

– Хорошо, – кивнул Бессонов. Он этого и ожидал. Что ж... Здесь, когда вокруг арабов полно, шансов что-либо предпринять у него мало. А вот в машинных залах, где Сема ориентируется прекрасно, а сам он вполне сносно, а вот арабы не ориентируются вовсе... Да с учетом того, что там их будет двое на двое. Да, там видно будет. Может, что и получится. И уж во всяком случае лучше так, лучше сделать хоть какую-то попытку освободиться и навредить врагам, чем покорно, как баран, идущий на бойню, выполнять их приказы.

– Хасиф, Оман, проследите за ним. И за тем человеком,

который пойдет с ним. И будьте бдительны!

Оба араба закивали. Бессонов, не говоря больше ни слова, вышел из рубки. Боевики последовали за ним.

* * *

В аппаратное помещение в итоге пошли не вчетвером, а вшестером. Семен Кадушкин, старший инженер, взял с собой штатного техника – Олега Титаева. Ведь как ни крути, а поломка настоящая, и нужно быть готовым принимать какие-то реальные меры, а помощи от капитана Бессонова в этом случае ждать не приходилось. Боевики связались с Хасаном и приняли решение отправить с русскими еще одного своего человека. К двум арабам, Хасифу и Оману, присоединился молодой чеченец Мовлади. Этот парень покинул родину, когда ему было четырнадцать лет, и с тех пор в Чечне не был. Теперь роднее террористов из группировки «Аль Джафар» для него людей на свете не было.

Аппаратное помещение на ледоколе было расположено ниже уровня воды – на обычном корабле можно было бы сказать, что это трюм. Но здесь это помещение никогда не использовалось ни для хозяйственных нужд, ни для перевозки грузов. Только по прямому назначению – для обеспечения работы корабельного ядерного реактора. Пока Бессонов и остальные добирались до этого помещения, Семен успел проинструктировать техника. Сейчас главной задачей было

взять реактор под контроль. Для этого нужно было бы опустить компенсирующие решетки в активную зону, но системы управления – и основная, и дублирующие – вышли из строя. На обычных реакторах процесс управления ядерной реакцией осуществляется опусканием в активную зону реактора графитовых стержней-замедлителей. Но на атомоходах используется другой принцип – у них так называемый водно-водяной реактор. Роль замедлителя выполняет дистиллированная, двойной перегонки вода. Она обтекает урановые стержни. Уровнем воды, ее циркуляцией, давлением тоже можно регулировать интенсивность ядерной реакции. Но в то же время эта вода выполняет еще и роль теплоносителя в первом контуре. Вода нагревается выше трехсот градусов, она находится под давлением в двести атмосфер. Это очень много. Обычный газопровод, например, работает под давлением в двадцать пять атмосфер – и уже это считается очень высоким значением, – там и трубы соответствующие. Что уж говорить о системе, которая стояла здесь, на атомоходе. Нагретая вода через теплообменник превращает в пар воду во втором контуре, пар подается на турбины, турбины приводят в действие электрогенераторы, те, в свою очередь, электромоторы, вращающие винты.

Вот система управления вышеперечисленным и отказала. В данный момент реактор работал в безопасном режиме – за этим следила автоматика. Но вечно так продолжаться не могло, нужно было снова взять управление процессом в свои

руки. Впрочем, нужно ли? Вот в этом Бессонов очень серьезно сомневался. Зачем чинить то, что фактически сам же и сломал? Разве что время потянуть. Нет, лучше все-таки, если удастся наоборот усугубить ситуацию. Тогда они, русские, те, кто разбирается во всей этой технике, станут еще более необходимыми. Хасан, правда, может действительно расстрелять кого-то из матросов. Но может и не расстрелять. А если полностью подчиниться террористам, то наверняка погибнут все. Придется рисковать. Как бы только дать это понять инженеру и технику?

– Нам нужно снизить уровень реакции до минимально контролируемого уровня мощности, – громко сказал Кадушкин.

– Ну так и делайте, что надо, умники, – проворчал чеченец.

– Обязательно сделаем, – бодро заявил Бессонов. И при этом, глядя прямо в глаза Кадушкину, чуть заметно покачал головой – мол, не вздумай. Инженер слегка наклонил голову – похоже, понял.

– Так, чтобы снизить уровень, нам нужно будет с тепловым контуром повозиться, – сказал он, многозначительно глядя на техника. Тот тоже оказался не дурак – деловито кивнул, подтверждая слова своего начальника.

И они принялись возиться с трубами. Вообще-то первый контур с перегретой водой – это одно из наиболее слабых мест корабельного реактора. Он, во-первых, очень большой

протяженности, его трубы больших диаметров подведены к теплообменнику, во-вторых, соединен с разным оборудованием множеством трубок, необходимых для управления. Именно с ними сейчас инженер и техник работали. Бессонов возился рядом с ними, стараясь делать вид, что тоже в этом деле разбирается. Впрочем, получалось у него не блестяще – он боялся напортачить и поэтому работал очень неуверенно. Это было заметно. Через несколько минут один из арабов шагнул к нему и ткнул в бок автоматом:

– Отойди!

– Но я...

– Отойди! – На этот раз приказ сопровождался ощутимым ударом по ребрам. Оставалось только повиноваться. Еще несколько минут Бессонов наблюдал за работой своих товарищей. И, кажется, стал понимать, что же они задумали. Похоже, они старались изолировать несколько труб от остального контура. И что дальше? Уж не хотят ли они их разгерметизировать? После этого восстановить систему будет еще труднее – ситуация усугубится. Что ж, именно это сейчас и нужно. Вот только... Там же давление в двести атмосфер! И температура пара за триста градусов! Тот, кто повернет кран, – обречен! Елки-палки! Кадушкин явно именно это и собирается сделать – вот он уже взялся за здоровенное колесо одного из кранов! Вот только ничего у него не выйдет – одному человеку его не повернуть.

– Олег, помоги, – негромко сказал инженер. И техник как

ни в чем не бывало подошел к нему и стал помогать. Диаметр колеса был не меньше шестидесяти сантиметров. А то и побольше. Техник тоже взялся за колесо, напрягся, стараясь его повернуть – хотя вот уж он-то наверняка лучше всех представлял, чем это может закончиться.

Но и вдвоем у них плохо получалось. Как показалось Бессонову, оба не слишком сильно старались.

– Эй, люди, помогите, – инженер обратился к террористам. – Нужно кран отвернуть.

– Зачем? – подозрительно спросил чеченец.

– Сейчас я тебе объясню зачем! – Инженер отлично симитировал приступ раздражения – Бессонов был уверен, что именно симитировал. Кадушкин затеял смертельно опасную игру, но успех явно возможен!

– Сейчас сядем, и я тебе прочту лекцию часа на четыре, – продолжал инженер. – Чтобы ты понял зачем! Для снижения уровня мощности...

– Хватит! – перебил его один из арабов. Он прекрасно понимал, что слушать объяснения этого русского бессмысленно – все равно они ничего не поймут. Лучше помочь ему, раз уж он такой слабосильный.

Оба араба подошли, взялись за колесо. Кадушкин и техник тоже взялись – но встали они подальше от самого крана, так что арабы их от него прикрывали. Бессонов напрягся. Сейчас все случится. Но как же чеченец? Капитан сделал осторожный шаг в сторону третьего боевика. И еще один.

И тут почти одновременно раздался два звука – громкое шипение и жуткий человеческий вой. Струя перегретого пара, вырвавшаяся из крана, даже не обварила арабов. Нет, обваривает пар из чайника. А здесь было за триста градусов и двести атмосфер. Эта струя просто пробила в животе Хасифа дыру размером с кулак. А Оману отрубила руку и рассекла бок. Именно Оман и издал этот жуткий крик, его же напарник умер мгновенно. В отличие от арабов, оба русских были готовы к тому, что произошло. И успели отпрыгнуть. Правда, технику не повезло. Отразившись от груди Хасифа, часть пара задела его. Струя уже растеряла большую часть энергии, но и того, что осталось, хватило – Олег со стоном упал на пол, схватившись руками за обваренный бок и за живот.

Впрочем, этого Бессонов не видел. При первом же звуке он ринулся вперед, на чеченца. Внимание боевика было отвлечено – за счет этого немолодой капитан сумел его достать. Впрочем, и не только из-за этого. Бессонов понимал, что его жизнь зависит от этого броска – а в таких случаях люди способны на многое. Капитан безо всяких премудростей, но от души, со всего размаху, вlepил боевику кулаком в ухо. Чеченец пошатнулся, а в следующую секунду Бессонов схватился за автомат, стал вырывать его из рук террориста. Это было ошибкой – если бы вместо этого капитан врезал противнику еще разок-другой, победа была бы за ним. А возможность такая была – ошеломленный парень не мог

сопротивляться. Но вот автомат он не выпустил. Несмотря на полученный удар, он вцепился в него мертвой хваткой. Бессонов рванул оружие что было сил – но без толку. Чеченец был моложе и сильнее. Драгоценные секунды убегали одна за другой, вот уже взгляд боевика стал осмысленным. Правой рукой он ударил Бессонова в солнечное сплетение. В груди у капитана словно граната разорвалась – он не мог вдохнуть. Следующим ударом – мощным хуком в челюсть – боевик повалил его на пол. И уже замахнулся ногой, но тут грохнул выстрел. Мовлади отбросило назад, на груди у него появилось багровое пятно. А Кадушкин, завладевший автоматом одного из арабов, выстрелил еще раз. На этот раз пуля угодила чеченцу прямо в центр лба. Входное отверстие было совсем маленьким, но на выходе этот кусочек свинца вышиб из черепа террориста кусок кости размером с ладонь.

Бессонов с трудом поднялся. Аппаратную уже заволакивало паром – из крана продолжала бить тугая, горячая струя.

– Уходим отсюда! Быстрее! – Кадушкин потянул его за руку.

Бессонов с трудом вдохнул.

– А как же он? – капитан кивнул на скорчившегося на полу техника.

– Мертв. Болевой шок, похоже. Ну, уходим!

И Бессонов последовал за инженером. Только через пару минут бега по коридорам он почувствовал радость. Ведь они сделали то, что хотели, – теперь управлять кораблем терро-

ристы не смогут. Более того, они уничтожили троих врагов, бежали сами и захватили оружие. Вот только Олега жалко... Но что делать, на войне как на войне.

Вот только долго ли они смогут прятаться от террористов, которые с минуты на минуту начнут их искать?

Глава 7

Адмирал Петр Николаевич Сорокин пользовался на Северном флоте большим авторитетом. Он был одним из тех немногих больших начальников, которые действительно заслужили все, что имеют. Сорокин честно прошел все ступеньки служебной лестницы. Он заслужил высокое звание потом и кровью. Теперь, когда годы уже взяли свое и участвовать в операциях лично адмирал не мог, он принял на себя тактическое планирование. Именно он и несколько его ближайших помощников разрабатывали планы конкретных операций, подбирали исполнителей, технику, снаряжение, согласовывали все планы в верхах. В общем, в любом деле нужен кто-то, кто не языком треплет, а дело делает – вот именно таким человеком Сорокин и был. Штабные бездельники чувствовали себя за ним как за каменной стеной – кстати, не исключено, что именно поэтому Сорокина до сих пор с его места и не спихнули – даже самым бестолковым было ясно, что время от времени флот должен и какие-то результаты показывать, а не только рапорты писать да на парады личный состав выводить. Вот и теперь – когда случился аврал и потребовалось срочно и серьезно реагировать, обратились не к кому-нибудь, а именно к Сорокину. А уж дальше он должен был действовать по своему усмотрению.

Когда Полундра зашел в зал для совещаний, который

временно занял Сорокин, адмирал, заложив руки за спину, шагал вдоль стены, на которой висела огромная карта северо-восточного побережья России. Это был очень плохой признак. Полундра успел изучить поведение адмирала – если дело просто важное, он спокойно сидит за столом. А уж если вскочил и расхаживать туда-сюда начал, значит, дело, во-первых, архиважное, во-вторых, смертельно опасное, а в-третьих, чреватое самыми серьезными осложнениями.

«Ну, сейчас сразу о деле начнет», – подумал Сергей. С ходу говорить о деле тоже было привычкой Сорокина – в серьезных случаях он не тратил ни секунды лишнего времени – даже на то, чтобы поздороваться.

Так и получилось. Только Полундра успел открыть рот и сказать «Здра...», как адмирал остановил его энергичным взмахом руки:

– Отставить! Сергей, слушай внимательно. Беда случилась. В Беринговом море террористы захватили атомный ледокол.

Полундра мгновенно сложил в уме два факта. Ага, значит, вот оно что на самом деле случилось с ледоколом, про который в новостях упоминали.

– Дела плохи, – продолжал Сорокин. – Судно у них под контролем. Не знаю, что они собрались с ним делать, но, думаю, ты и сам понимаешь, что ничем хорошим это не пахнет. Любое ЧП, связанное с атомной энергетикой, сейчас принесет стране колоссальный ущерб. И не только материальный –

главное, информационный. А, – он досадливо тряхнул головой, – что я тебе это рассказываю! Мы с тобой не политики и не экономисты! Нам дело сделать надо! Простыми русскими словами объясняю – ты должен отправиться на корабль и отбить его у террористов.

– Но как же они меня туда пустят? – спросил Полундра. На самом деле на языке у Сергея вертелись десятка полтора вопросов, но он, разумеется, выбрал самый практичный. Что это за террористы, как они захватили судно, сколько жертв, какие требования выдвинули – все это он узнает позже.

– Пустят, – ответил Сорокин. – У них там какая-то авария случилась. Не знаю, в чем дело, то ли сами они по неосторожности и неумелости что-то не так сделали, то ли кто-то из наших моряков сумел поломку устроить. Причем скорее второе. Управлять кораблем сами боевики не стали бы – это же не машина и даже не самолет. Значит, кого-то из наших заставили. А они сумели этих гадов обмануть. – Адмирал бы, наверное, сильно удивился, если бы узнал, насколько его предположения близки к истине. Вот что значит опыт.

– В общем, теперь они требуют, чтобы мы отправили к ним на корабль специалистов, которые сумеют неисправность устранить.

– Не много ли хотят?!

– Боюсь, что не много, – вздохнул Сорокин. – Они понимают, что сила сейчас на их стороне. Если откажемся – угрожают сначала начать расстреливать заложников, а потом по-

дорвать корабль. А корабль, не забудь, атомный. Наши на такой риск не пойдут. Значит, будут выполнять все требования этих негодяев до тех пор, пока это возможно. Но, разумеется, мы должны попытаться не просто идти у них на поводу, а сыграть по-своему.

– Ага, понял, – кивнул Полундра. – Меня к ним планируете под видом техника отправить?

– Именно. Но ты пойдешь не один. С тобой будет еще один парень из МЧС, Владимир Бойко. Во-первых, он хорошо знает корабли этого типа...

– Я тоже, – вставил Полундра.

– Ты знаешь тактико-технические характеристики, ходовые данные, мощность установки и так далее, – покачал головой адмирал. – Это не совсем то, что в данном случае понадобится. А этот парень такие корабли ремонтирует. Сам знаешь, во внутренностях большого современного судна хорошо разбираются только строители, таможенники и ремонтники.

– Это точно.

– Владимир Бойко как раз ремонтник. Так вот, пойдете вдвоем. Он тебе поможет ориентироваться на корабле, да и вообще пригодится.

– Когда вылетаем?

– Минут через сорок – за это время авианосец подойдет.

– Авианосец?!

– Ну да. На истребителе полетишь. А ты как думал?! На

чем еще я тебя отсюда до Берингова моря отправлю? Поездом, что ли?! Или гражданской авиацией?

Полундра усмехнулся. Да, отсюда, от небольшого военного городка, расположенного чуть восточнее Мурманска, до Берингова моря очень недалеко. И на истребителе-то придется несколько часов лететь.

– Так какое у меня задание? – спросил Сергей вслух. В самом деле, он, как человек военный, привык к более конкретным приказам.

Сорокин остановился. Несколько секунд стоял молча, потом шагнул к Полундре.

– Сережа... – Адмирал называл так Павлова очень редко. – Не могу я тебе ничего конкретного сказать. Я сам знаю мало, а к тому моменту, когда ты туда прилетишь, ситуация еще двадцать раз переменится. Так что четких указаний – куда нырять, сколько плыть и через какой люк куда влезать – от меня ты не получишь. Мне нужен результат – чтобы возникшая проблема была устранена с минимально возможным ущербом. А уж как это сделать – думай сам. Я тебя за то и ценю, что ты не только стрелять умеешь и ногами стенки прошибать, но и думать. В общем, прилетишь, проконсультируешься с местными и действуй дальше по своему усмотрению.

– А старшие по званию? – с легкой усмешкой поинтересовался Сергей.

Сорокин его понял. Взаимоотношения с офицерами бо-

лее высокого звания у Полундры всегда были натянутыми. Ясное же дело, что местные каперанги и адмиралы будут пытаться заставить лейтенанта Павлова плясать под свою дудку. А вот этого как раз допускать и нельзя.

– Мною прикрывайся, – решительно сказал Сорокин. – В ходе этой операции ты подчиняешься напрямую мне. Имей в виду – это не я один так решил, все согласовано и с нашим штабом, и еще выше. А я поддержу любую твою идею. В общем, в случае необходимости заявляй, что все твои действия согласованы с адмиралом Сорокиным – и баста! Я подтверждаю.

Полундра кивнул – лицо его выражало искреннюю благодарность. Вот именно за это он и уважал Сорокина. За то, что ради успеха операции он не раздумывая рискует собой. А именно это адмирал сейчас и сделал. Ведь старик, по сути, полностью принимал на себя ответственность за исход операции. Если будет провал, то отвечать будет именно он – ну, а кто еще? Не лейтенант же Павлов – уж больно маленькая он сошка в глазах высокого начальства. Нет, раз уж все было согласовано с Сорокиным, то, значит, и ответственность на нем. И это ради того, чтобы у Полундры были развязаны руки.

«Доверяет мне старик», – промелькнуло в голове Павлова. Что ж, ответить на это можно было только одним – оправдать доверие.

– Понял, – сказал Сергей вслух. – А подробности? Ну, те,

которые уже известны. Хотя бы про атомоход сам, про террористов, то, что удалось уже узнать.

– Большую часть информации, которую удалось нарыть, в самолете узнаешь, я распорядился, чтобы ее на ноутбук сбросили, – ответил Сорокин. – Сам я знаю мало и в основном не технические подробности, а общую информацию.

– Это тоже важно.

– Я знаю... – адмирал взглянул на часы. – Так, минут двадцать у нас еще есть. Слушай. Террористы принадлежат к международной группировке «Аль Джафар». Подробно про нее не рассказываю, ты и сам должен о ней знать.

Еще бы ему было не знать! Одна из самых крупных и активных экстремистских организаций Азии. Информацию по таким, как она, организациям серьезным спецназовцам по четыре раза в год дают в виде краткого курса лекций – последний такой Сергей прослушал меньше месяца назад. Сейчас он напряг тренированную память, извлекая из нее все известные ему подробности. Организация молодая, многочисленная, хорошо вооруженная и подготовленная. Придерживается крайних фундаменталистских взглядов. Главной целью объявили не борьбу с Израилем, как большинство подобных им, а с США. Наиболее активные члены... Лидеры... Самые известные акции...

– Знаю, – кивнул Полундра.

– Они захватили один из сухогрузов, потом атомоход. Сухогруз, похоже, бросили, это была вспомогательная цель. Ко-

манда сухогруза, похоже, погибла в полном составе. На ледоколе тоже многих убили, но далеко не всех. Капитан жив точно, он выходил на связь. Террористы требуют, чтобы о них не упоминали СМИ. Ну, это требование с нашими интересами совпадает – не хватало еще, чтобы весь мир узнал о том, что русский атомный ледокол террористы захватили. Так что официальная версия – технические неполадки на атомоходе. Конечно, было бы хорошо и этого не говорить, но шила в мешке не утаишь, через несколько часов информация о том, что с кораблем что-то не в порядке, все равно стала бы известна миру. А в такой ситуации лучше, когда есть официальная версия, хуже, когда власти молчат. Так, что еще...

– Хватит, наверное, Петр Николаевич, – сказал Полундра. – Остальное я в самолете узнаю. Главное уже ясно. Сволочи напали на хороших людей. Сволочам нужно врезать так, чтобы мало не показалось. Справлюсь! Не впервой.

– Я надеюсь на тебя, Сережа. – Голос адмирала слегка дрогнул. Полундра сильно напоминал Сорокину самого себя в молодости.

– Не подведу, – уверенно сказал Павлов.

– Удачи тебе, сынок!

Глава 8

Большое китобойное судно под звездно-полосатым американским флагом рассекало холодные волны Берингова моря. Здесь, неподалеку от острова Святого Лаврентия, были нейтральные воды, открытые теоретически кораблям любых государств. Но реально сюда, разумеется, никто, кроме русских и американцев, не заходил. В воды южнее на пару сотен километров еще заходили японские суда – но сюда никогда. Судно держало курс на восток, шло малым ходом.

В рубке корабля находились четыре человека. Одним из них был рулевой – парень по имени Барт, занятый своим делом и все время молчавший, так как лезть в разговор остальных троих ему было не положено. Капитан, его старший помощник и какой-то сухопутный умник в очках, который невесть зачем оказался на борту, – они были, так сказать, джентльменами, белой костью, такие собеседники, как рулевой, им не требовались. Тем более что говорили они в основном о вещах непонятных для Барта – и захочешь не поучаствуешь в таком разговоре. Все о каких-то исследованиях дна, результатах измерений, химических анализах проб воды и грунта, данных гидрологической разведки. Причем говорили с подробностями, с употреблением таких слов, которых парень и не слышал-то никогда. Вообще происходящее на корабле казалось странным – с какой стати китобой-

ное судно научными исследованиями будет заниматься? Для этого ученые есть! У этих яйцеголовых свои корабли. Внешне, по корабельной архитектуре, одно из таких судов было похоже на китобойное, но ведь там совершенно другая начинка! Приборы и оборудование всевозможные. На их посудину тоже нагрузили аппаратуру – Барт сам в погрузке принимал участие. Зачем? Впрочем, что себе зря голову ломать? Скоро вахта закончится и можно будет пойти в каюту, поспать.

Тем временем обсуждение проблем всевозможных исследований было закончено, и беседа в рубке стала понятной Барту.

– Дик, ты уверен насчет данных со спутника? – спросил капитан своего помощника. Капитана звали Саймон Китинг. Это был крупный немолодой мужчина с военной выправкой. Его мощную нижнюю челюсть украшала короткая седая борода, лицо было покрыто глубокими морщинами. Движения капитана были резкими, в них чувствовалась сила.

Помощник молча кивнул.

– Можете не сомневаться, мистер Китинг. – Голос Генри Джонса был тонким, противным, словно крысиный писк. Этот человек уже который день действовал капитану на нервы. Строго говоря, начальником Китингу он не был, но именно он отвечал за эту экспедицию перед управлением компании, которой принадлежал корабль. А следовательно, именно он говорил, куда плыть и что делать. Он и несколько его

помощников занимались большей частью исследований, которые и были целью экспедиции. Капитан особенно хорошо понял служебное положение и полномочия Джонса три дня назад, когда механик подрался с одним из умников этой крысы-переростка. Виновны были оба в равной степени, но буквально через час после происшествия Китинг получил с берега приказ механика наказать, а яйцеголового не трогать. Джонс тогда нисколько не скрывал, что приказ этот был отдан по его просьбе.

– Я и не сомневаюсь, – проворчал капитан. – Но чем дальше мы двигаемся этим курсом, тем больше риск. Имейте в виду – в этих местах катастрофа не то же самое, что катастрофа у побережья Калифорнии. Там вам выплатят страховку, и вы на другой день купите новый корабль. А здесь, если мы напоремся на льдину, страховку платить будут уже не нам, а нашим семьям.

– Льдов нет. Данные верные.

– Хорошо, если так. Только вы имейте в виду: чтобы повредить корабль – не нужны ледовые поля, достаточно будет и одной льдины приличного размера.

– Ну, вы сами-то и ваш рулевой тоже не зеваете.

– Не зеваем. Но курс опасный. И помощь, если что, оказать нам некому. Вокруг никого, кроме тех русских, которые недавно мимо прошли. А они уже, наверное, далеко.

– Наш курс диктуется целями, которые...

– Все, все! Понял! – Капитан брезгливо поморщился. Эти

слова про цели и задачи экспедиции он уже не один раз слышал. — Скажите хоть, далеко ли еще мы этим курсом пойдём?

— Недалеко. Нужно исследовать тот квадрат, в который мы только что вошли, и еще один. Меня очень интересует рельеф дна и данные анализов грунта. Информация, которую мы получили, исследуя предыдущие квадраты, выглядит очень многообещающе.

— Очень хорошо. Кстати, передавать эту самую информацию вы сегодня еще будете?

— Скорее всего да. Это зависит от того, насколько быстро мои люди сделают анализы всех собранных образцов.

— Не нравятся мне ваши передачи, — капитан покачал головой. — Ваше оборудование во время работы создает колоссальные помехи в радиусе километров двадцати.

Помощник капитана, соглашаясь, кивнул. То, что говорил Китинг, было чистой правдой. Параболическая антенна, которую разворачивали каждый раз, чтобы сбросить пакет информации через спутник на Большую землю, действительно была источником помех.

— Вы же сами говорили, что здесь почти никого не бывает, — пожал плечами Джонс. — Кому мы мешаем? Русским?

— Да хотя бы и русским.

— Бросьте! У этих варваров небось последние радиоприемники десять лет назад сломались.

Китинг даже не счел нужным отвечать на столь явную глупость. Он прекрасно знал, что с серьезной техникой у рус-

ских полный порядок. Это магнитофонов, стиральных машин и прочей бытовой техники у них толком нет своей, а вот та же радиосвязь на высшем уровне. Конечно, вряд ли те корабли, которые недавно прошли мимо, оборудованы по последнему слову техники. Но, надо полагать, и не хуже, чем его собственное судно. Если не считать, конечно, тех новинок, которые приволок с собой Джонс.

– Узнает кто – оштрафуют нас и будут правы, – проворчал Китинг. – Такие вещи могут сказаться на безопасности судоходства.

Джонс хмыкнул, сильно сжал губы – было похоже, что он с трудом сдерживает смех.

– Могут, конечно. Но, надеюсь, не скажется. А насчет штрафа – не беспокойтесь. Не оштрафуют нас, это я вам на сто процентов гарантирую. Даже на сто пять.

Голос его звучал уверенно. Китингу это показалось странным – откуда бы такой уверенности взяться? Но спрашивать он больше ничего не стал – разговаривать с Джонсом ему было попросту неприятно.

Глава 9

Едва ноги Полундры коснулись земли, как к нему подско-
чили сразу три человека – как успели-то подойти так близко?
Или в момент приземления истребителя были совсем рядом
с полосой, наплевав на то, что это довольно опасно?

– Павлов?! – крикнул один из них, коренастый полковник,
стараясь перекрыть гул еще не остановившихся двигателей
самолета.

– Да, – кивнул Полундра.

– Скорее за мной! Времени почти не осталось!

Полундра повиновался – когда речь шла о жизни людей,
которых он обязан защищать, про гордость он не вспоми-
нал. Вряд ли этому мужику просто покричать приспичило.
Полковник кинулся к стоявшей метрах в тридцати машине,
остальные последовали за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.